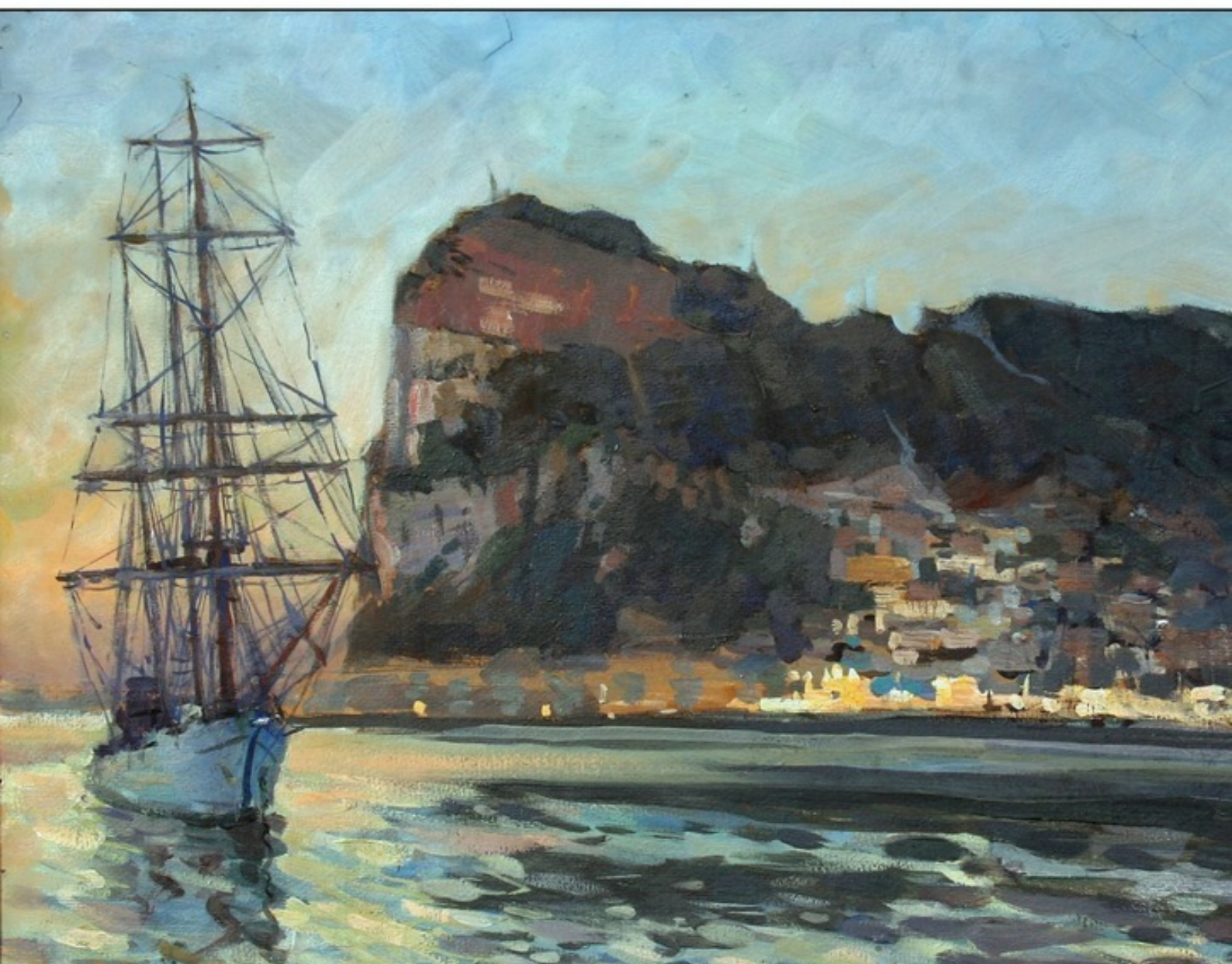

Евгений Пинаев

Требуется Робинзон

Евгений Пинаев
Требуется Робинзон

«Издательские решения»

Пинаев Е. И.

Требуется Робинзон / Е. И. Пинаев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834551-7

О чем эта книга? О многом. О крепости мужской дружбы, о смысле жизни, о том, как хочется одинокому сердцу настоящей любви. О морских приключениях и борьбе со всяческим злом. О том, как маленьким Пятницам — вроде отважного, но еще беззащитного Коськи, необходим крепкий друг — большой, сильный Робинзон. О том, как в любом возрасте нужна человеку забота и доброта... В. Крапивин

ISBN 978-5-44-834551-7

© Пинаев Е. И.
© Издательские решения

Содержание

Паруса Евгения Пинаева	6
Шхуна «Maggie May»	7
1	7
2	10
3	16
4	20
5	22
6	26
7	30
8	35
9	39
10	42
11	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Требуется Робинзон

Евгений Иванович Пинаев

© Евгений Иванович Пинаев, 2016

© Евгения Ивановна Стерлигова, иллюстрации, 2016

Издано при участии Фонда «Рябинушка»

Проект «Морского клуба» www.ekbmarine.ru

ISBN 978-5-4483-4551-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Паруса Евгения Пинаева

Рыбаку Сантьяго из Гаваны снились львы. Давно уже не снились бури и приключения, вино и женщины, богатые уловы и дальние рейсы под парусом, потому что было ему немало лет. А львы, которых он однажды увидел на побережье Африки, – могучие, уверенные в себе звери и беззаботные резвые львята – снились постоянно. Они давали старику силы, оставались как бы стержнем его жизни.

Для старого моряка Евгения Пинаева, чем-то похожего на кубинца Сантьяго, таким стержнем всегда были паруса. Он – матрос и боцман многомачтовых судов, художник-маринист, морской писатель – переносил тугие марсели и кливера из своей памяти на холсты и на страницы своих книг. Названия книг говорят сами за себя: «Над нами паруса», «Голубой омар», «Злоключения бродячей кошки», «Звездный волк», «Шантарское море»...

А вот еще одна книга мореплавателя Евгения Пинаева – «Требуется Робинзон». Написана она довольно давно, только никак не могла попасть в печать: «не складывались обстоятельства». Они часто не складываются для тех, кто оказывается «не ко двору» в творческих союзах и книгоиздательских фирмах. Несмотря на литературные премии и немалую известность своих картин, Евгений Иванович не котировался среди представителей творческого бомонда. У него был иной круг общения: родные и близкие, давние друзья, с которыми бороздил моря, капитаны океанских яхт, путешественники-живописцы, мальчишки, которых он в морских отрядах учил премудростям парусного дела – преданные дружбе и морю пацанята, вроде обжаренного южным солнцем Коськи, про которого идет речь в книжке о Робинзоне.

Книга – на выходе, жаль только, что автор не дождался ее. Поработал над редактурой, посмотрел иллюстрации, а увидеть сигнальный экземпляр не успел. Остается утешать себя тем, что увидят друзья...

О чем эта книга? О многом. О крепости мужской дружбы, о смысле жизни, о том, как хочется одинокому сердцу настоящей любви. О морских приключениях и борьбе со всяческим злом. О том, как маленьким Пятницам – вроде отважного, но еще беззащитного Коськи, необходим крепкий друг – большой, сильный Робинзон. О том, как в любом возрасте нужна человеку забота и доброта...

Во время чтения сюжет книги не раз наталкивает на догадку о возможности трагического финала. Но слава Богу, герои повести оказываются сильнее обстоятельств. Все оканчивается благополучно. Ну, или, по крайней мере, «относительно благополучно». Маленький Коська нашел своего Робинзона, а сам Робинзон – помятый жизнью, но не согнувшийся капитан Старыгин – свое место в жизни и свою любовь. Да и другим героям во многом повезло. В общем, добрая книга с хорошим концом.

Остается повторить: жаль, что Евгений Пинаев не увидел ее вышедшей в свет. Можно утешать себя лишь мыслью, что старому боцману до последнего часа снились паруса (как рыбаку Сантьяго – львы). Снилось тугая, до железной твердости дакроновая парусина, похожие на клавиатуры ряды рифлюверсов и рифсезней (в них есть нескончаемая мелодия ветра), крепчайшие шкотовые узлы... Когда старого моряка понесли по осенней улице уральского поселка Калиново в последний рейс, у дальнего берега озера Таватуй вышли на дистанцию и развернули паруса на полном курсе большие крейсерские яхты – началась одна из осенних заключительных уральских регат.словно последний парад в честь моряка-ветерана. Может быть, и в этот миг ему виделись паруса. Пусть они остаются с ним и в том мире, куда мы уходим после этой жизни на Земле. И с нами пусть останутся тоже...

Владислав Крапивин

Шхуна «Maggie May»

*Моей жене Рите, которая месяцами ждала моего возвращения
с морей, и сынам Борису и Диме*

1

Увы, это был только сон. Он знал об этом и молил дарующего сны не прерывать его, оставить при нем сколь можно дольше незабываемые ощущения. Пусть длится и длится стремительный бег баркентины, пусть она вырвется наконец из бухты на близкий уже морской простор, взорвет синеву форштевнем и устремится к недостижаемому горизонту. После таких снов всегда побаливало сердце...

Константин Константинович побрился и тоскливо подумал: «Хотя бы полсигареты сейчас, хотя бы чинарик!..». И чтобы задавить нестерпимое сосущее желание первой утренней затяжки, бросил в рот леденец.

Его одежда и теперь еще «воняла табачищем», о чем не преминула заметить хозяйка квартиры Павлина Тарасовна, сдававшая комнату приехавшему с Севера жильцу. Старушка жила одна и обладала отменным здоровьем, чем очень гордилась, ссылаясь при этом на то, что всю свою долгую жизнь проработала завучем в школе, а это занятие можно приравнять к каторге среди будущих рецидивистов, для которых нет ничего святого, которые ежедневно и ежечасно пили из нее кровь. А здоровье осталось при ней, потому что она тоже не лыком шита, она не чикалась с ними, она умела держать их в узде, а каждая моральная победа над хулиганами добавляла ей лишний год жизни. «Который ты, старая ведьма, отбирала у них», – мысленно заканчивал Константин Константинович, молча и терпеливо слушавший откровения бабки Павлины в те полчаса-час, что они по утрам вместе проводили на кухне.

Жилец не очень-то распахивался перед нею, но был «лопухом», а ее любопытство не знало границ. Выяснив, что он бросил курить «из-за сердца», бабка Павлина похвалила его единственный раз, а после только «учила жить».

– Мои сыночки, слава богу, не табашники, не выпивохи и не бродяги бездомные, – заявила моралистка, когда он пожаловался, что всё еще хочет курить. – Потому у сынов моих успехи наглядные. Старшенький – капитан первого ранга, профессор медицинской академии...

– Полковник медицинской службы, – поправил ее Константин Константинович.

– Для кого полковник, а для меня – первого ранга капитан! – отрезала Павлина Тарасовна. – И не где-нибудь – в Ленинграде! Младшенький тоже при флоте. Он – второго ранга, на Тихом служит. Они, Константин, на днях возвращаются ко мне, и...

– А мне, стало быть, по шапке? – закончил он за нее.

– Стало быть, так, – пожала она плечами. – Придется съехать. Грише, старшему, база дает квартиру. Он человек семейный, с детьми, а Марк пока не женат. Будет жить со мной.

– Непорядок, – усмехнулся Константин Константинович. – Еще без жены и детишек, а уже кавторанг!

– Была у него здесь... – нехотя пояснила старуха. – Была да выскочила за другого.

– Значит, не его была, – сказал Константин Константинович, вываливая на сковороду с шипящей яичницей мелко нарезанную колбасу.

– Ясно, не его! – загорячилась старуха. – А каково Марку?! Когда она овдовела, я сразу подумала, что бог шельму метит: недолго музыка играла! А все-таки осталась она не одна,

с мальчишкой, а пасынок – что за радость отчиму, ведь Марк из-за этой крали и добился перевода сюда. Мне бы в радость, а как подумаю про чужого мальчишку – кошки скребут на сердце.

Константин Константинович перенес сковороду на стол и, присев к нему боком на стул, принялся ковырять яичницу.

– Рано скрести начали, Павлина Тарасовна, – заметил успокаивающе. – И сын еще не приехал, и неизвестно еще, женится ли на этой крале.

– Куда она денется при таком приданом?! – В голосе бабки Павлины ни тени сомнения, зато злобы – сколько угодно. – А я не хочу, не хочу! Выходит... всё начнется сначала?!

– Гром же еще не грянул...

– А грянет, так поздно будет креститься! – запрочитала она. – А ведь могла я когда-то пресечь, они ж у меня учились, в моей школе! Не спохватилась вовремя, пустила на самотёк – и вот результат! Эх, а могла, могла, могла!..

– Вы и сейчас еще можете многое, – заметил Константин Константинович, отодвинув сковороду и принимаясь за чай.

– Да, могу! И вам, Константин, могу дать совет. Я раскусила вас, ох раскусила! Говорили, что приехали отдохнуть, а принялись шнырять по городу – работа понадобилась, угол с пропиской, да? – Павлина Тарасовна, все это время перебивавшая яйца в кастрюле, сбилась со счета и в сердцах со звоном набросила крышку. – А я вам советую: уезжайте! Здесь ничего вам не светит. Чтобы обосноваться в нашем городе, нужны суммы, а у вас, простите, драные подштанники и зубная щетка! Здесь протекция нужна вдобавок, волосатая рука здесь нужна, а не мечты и желания, которых, вижу, у вас в избытке. Понятно, Константин?

– Не совсем... При чем тут «рука» и «суммы»? Я живу, если не ошибаюсь, в самой свободной стране, и я, ее гражданин, волен выбирать место для проживания, я...

– Вы – человек-невидимка! – отрезала старуха. – Стол паспортный не навестили, прописочку временную, гостевую, не оформили. Я поражаюсь вашему легкомыслию, удивительной наивности, наконец! В нашей свободной стране существует по-ря-док! А где порядок, там нет места всяким перекаати-поле. Взрослый человек, а приехал в Крым, ничем не заручившись, это ли не величайшая глупость?!

Солнце заливало кухню. Серая стена дома напротив, лежавшая в тени, отливала голубизной, обрыв за домом, по которому карабкались наверх марши лестницы, был фиолетовым, и солнце высвечивало на нем только отдельные выступы.

Не хотелось ни ссориться, ни оспаривать очевидное. Прописи эти он знал не хуже бабки Павлины, и чтобы успокоить ее и себя, Константин Константинович спросил, какие флотские шурупчики круть-вертит на Тихом ее младшенький, а может, и он тоже доктор? Спросил и, как в воду глядел, попал в точку: младшенький оказался патологоанатомом.

– Мрачная профессия...

– Не скажите! – возмутилась Павлина Тарасовна. – Сын писал, что у них в прозекторской висит плакат: «Это место, где смерть помогает жизни!». А по мне, так в этом есть свой шарм и, знаете, ...таинство некое, что-то мистическое и даже величественное.

– Шарм, да, – вяло согласился Константин Константинович, убирая со стола остатки завтрака. – И таинств сколько угодно, особенно по части мистики, а уж с величием, по-моему, перебор. А старшенький, между прочим, как сюда угодил из Северной Пальмиры? Прощтрафился, небось, эскулап, и – в деревню, в глушь, в Саратов?

– Где уж вам понять моих сыновей! – воскликнула старуха, демонстрируя жильцу разом и превосходство, и пренебрежение. – Гриша труд научный заканчивает. Ради него возвращается к живому делу. Напишет, отшлифует все мелочи на практическом материале и вернется в Ленинград. И Марка не трогайте. Что сказано мной, то сказано мной и только мной. Ведь сам-то, Константин, примчался ты не в деревню, не в глушь, а на Южный берег, а?

– На Южный, верно, – согласился Константин Константинович. – Что мне делать в деревне? Я хоть и бывший, но все ж таки по-прежнему моряк. Для счастья мне много не надо. Сарай с видом на море, топчан в оном и занятие для рук, чтобы заработать кусок хлеба. Если это, по-вашему, глупость, пусть будет глупость, но, уверяю вас, каждый глуп по-своему. Как и вы, Павлина Тарасовна, остались с глупыми мыслями, если хотите помешать выбору сына.

На сей раз она лишь поджала губы и промолчала, но совет все же дала:

– Поезжай, Константин, в Скалистый. Тебе же с пропиской? Там частный сектор. Если что и найдешь, так только там. Два месяца рыскал и толку не добился, а в поселке... Вдруг да и повезет в одночасье?

2

Суббота. На палубе «Черноморца» безбожная давка.

Дышать трудновато, но терпеть можно, и он терпел. Помогало ощущение грядущей удачи, внушенное, как ни странно, бабкой Павлиной. Чепуха! Главное, нынешний сон. Сон, как говорится, в руку, а коли так, то должна же когда-то черная полоса невезения смениться светлой полосой, долгожданным событием, и он, наконец, обретет постоянную крышу над головой!

Он не сдержал улыбки, когда в самом конце узкой бухты, куда поспешал катер и куда стремился сам Константин Константинович, показались мачты небольшого парусника: «А что я говорил?!»

Константин Константинович пошевелился, пытаясь протиснуться к борту и не отрывая взгляда от цветастого, словно картинка, кораблика, но спины и животы, склеенные потом, создавали непроходимую преграду. Он дернулся еще раз и окончательно застрял возле мордотого парня, припечатанного к круглой подпорине раскаленной, в испарине, грудью.

– Куда пр-решь, козёл! –дохнул перегаром ему в лицо мокрогубый акселерат. – Звиздну по организму – со смеху подохнешь!

Связываться не хотелось, но есть же предел!

– Слюни подбери, теленок... – посоветовал, стремясь отодвинуться от толстомясого. – Брызжешь вокруг, а кругом тебя люди.

– Ты чо?! Ты мине-е?! – оскорбился этот debil, услышав такое от какого-то хлюпика-сорокота, и так двинул плечом в грудь, что Константин Константинович задохнулся. – Ты чо, козёл, не слышал, чо я тебе сказал?!

Толстая губа, отвалившись чуть не до подбородка, обнажила мелкие и острые, как у хорька, зубы и, выпятившись лодочкой, с шумом втянула воздух. Парень ухватился за стойку и попытался раздвинуть сомкнувшиеся плечи измученных жарой и давкой пассажиров, они зашумели. Некоторые, очевидно, знавшие его, жёстко посоветовали Дрыну («Ну и прозвище!» – отметил Константин Константинович) уgomониться, а не то... Дрын засопел и отвернулся к бухте, но в Скалистом, когда сошли на крохотный причал, он толкнул Константина Константиновича локтем. Дюжий дядя с вислыми чумацкими усами дернул парня за рукав.

– Васька, не вяжись к человеку – не позорь Дроботов!

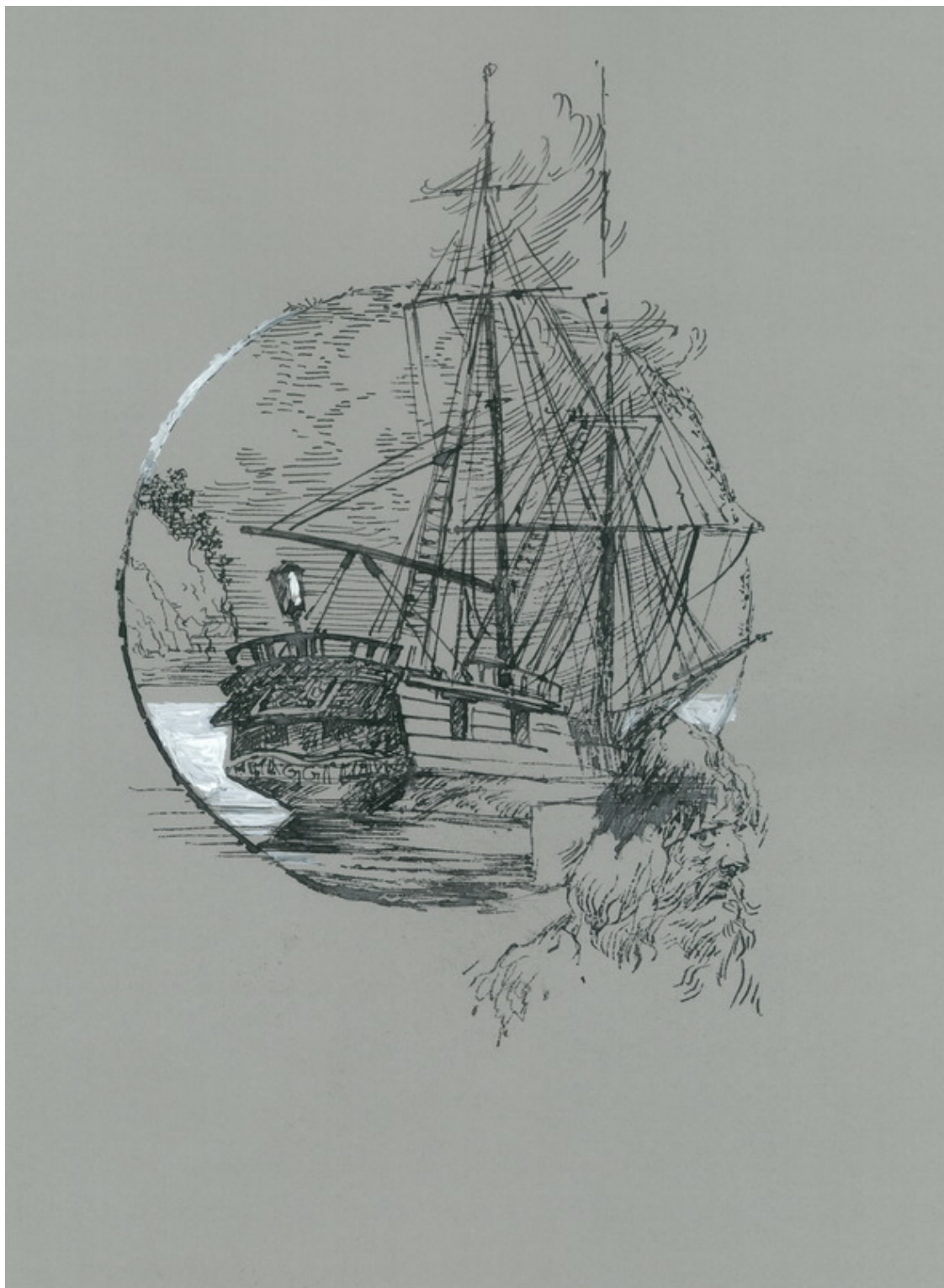
– Ладно, козёл, живи покедова, – снизошел Дрын до «позволения жить» и ушел в посёлок вслед за толпой.

День был слишком хорош, а Дрын, этот слюнявый балбес, был, в сущности, трамвайным эпизодом, который не стоил того, чтобы портить себе настроение. Поэтому Константин Константинович, что называется, плюнул на это дело и зашагал на соседний, совсем крохотный причал к славному кораблику старинной расцветки: желтые мачты, белые рубки, а борта – аж в три краски. Тут тебе и киноварь, и зелень вперемежку с синей, а местами вкраплена и охра. Да и всё судёнышко сделано под старину. Плоская корма имела окна и кое-какой орнамент, а ниже окон – накладное название из медных букв, которые сообщили ему, что перед ним – MAGGIE MAY. Впрочем, подумал он, у этой игрушки название может быть любым, ибо она наверняка предназначена для съемок пиратских фильмов. Ишь, какие на ней деревянные завитки, из-под которых слева и справа выступают за корму кронштейны-сопортусы с подвешенной к ним шлюпочкой. И нос у шхуны фигуристый, с намеком на княвдигед. С него, понятно, матросы не какают, он не функционален и сделан токмо для декору. Да, конечно, шхуна – всего лишь киношный реквизит, создание, в общем, беспородное, однако, хотя и видны на ней пороки киноиндустрии, но вооружена она, как марсельная шхуна.

Константин Константинович сошел на причал и оглянулся. Позади – скала, переходящая в заросший деревьями крутой обрыв, на нем расположился поселок, внизу – шоссе, железно-

дорожная колея-двухпутка и желтое зданье вокзала. За шхуной – речка и ржавые корпуса пароходов, чье будущее – металлолом. Справа виднелся мост через реку, за ним высились скалы, под ними белела церквушка. Ярко раскрашенная шхуна выглядела инородным пятном на будничном фоне выгоревших корабельных надстроек и груд сплющенного железа.

Покончив с созерцанием окрестностей, Константин Константинович заметил в крайнем кормовом окне шхуны бурое мужское лицо. Оно мелькнуло и пропало, но вскоре оно же, теперь в облике эдакого Билли Бонса, возникло на палубе, приблизилось к сходне и устало на посетителя, сделавшего к борту несколько шагов. А тот, приняв независимый вид и задрал голову, разглядывал путаницу обвисших снастей, ослабших вант и фордунов, перекрученных лопарей брасов и фалов, бросал взгляд на ключья измочаленной клетневки, и это пристальное внимание к рангоуту и такелажу не понравилось Билли Бонсу. Он и сам, оглядевшись вокруг, увидел, словно впервые, вопиющие признаки разгильдяйства и праздной жизни: грязное полотенце на планшире, башмак в стволе небольшой карронады, ведро с помоями и картофельные очистки на полубаке и, наконец, пыльный голик, лежащий на его, Билли Бонса, плаще, выстиранном и распятом для просушки на трюме. Присутствие любопытствующего незнакомца наполнило горечью капитанское сердце. Душа его была уязвлена обыденностью, с которой он давно смирился и с которой уже не пытался бороться, но теперь... Теперь уязвленная гордость трансформировалась в скорбно-призывный вопль:

Плоская корма имела окна и кое-какой орнамент, а ниже окон – накладное название из медных букв, которые сообщили ему, что перед ним – MAGGIE MAY.

– БоОООоцман!!! Небритый, в синей засаленной куртке с капитанскими нашивками, в пузырящихся штанах, засунутых в сапоги с голяшками, подвернутыми чуть ли не до каблучков, он ринулся к трюму, схватил с плаща растопыренный голик и швырнул его в дверь фор-рубки, заорав теперь воистину ужасным пиратским голосом, похожим на рёв вепря:

– ПроОООон-ня!!! А ну, выдь сюда, охламон!!!

Эхо вернуло на палубу гулкое «оОоОон-ня!» и голик, вылетевший обратно со скоростью снаряда. Билли Бонс ловко увернулся и, сунув голову в дверь, на сей раз истёк медом:

– Проня-я, дитё человеческое, покажись шкиперу и доложи, что за бардак творится на палубе?

«А здешние мариманы, верно, стоят друг друга, – решил Константин Константинович и подумал, что боцман, видимо, богатырь и корифей из той породы „драконов“, которым не страшны ни штормы-ураганы, ни грозные капитанские тирады. – И отношения между ними весьма... гм, патриархальные, – заключил напоследок, но, увидев над высоким, окованным медью комингсом смазливую физиономию, увенчанную пышной шапкой мелких белокурых кудрей, так и ахнул: – Батюшки... чистый купидон!».

– Петра Петрович, ну чо вы разоряетесь зазря? – спросил смазливый «дракон» с добродушной укоризной. Несмотря на крепенькие плечи, он, перешагнувши порог, остался эдаким парнишечкой, эдакой птичкой-невеличкой. – В настоящем бардаке порядок, – продолжал боцман увещевать своего капитана, – а если у нас что-то не на месте, то это не бардак, а цирк, как в том анекдоте, помните?

– Помню, – ответил Билли Бонс упавшим голосом, но, ухватив за рубаху боцмана Проню, прошипел: – Так объясни точно: бардак или цирк? И если цирк, то ты при нем – клоун?

Константину Константиновичу казалось, что сцена, представшая его глазам, разыграна специально для него. А если нет, а если этот спектакль закончится настоящей сварой, а то и, судя по нравам, небольшой потасовкой? И чтобы не допустить возможных излишек, он ступил на сходню и, приблизившись к ним, спросил:

– Нельзя ли мне пройти на палубу и немного полюбопытствовать? В порядке ознакомления с вашим судном.

Билли Бонс оглянулся. То ли подумал, что дальнейшее выяснение отношений не сулит ничего хорошего, то ли решил воспользоваться рукой помощи, протянутой ему с причала.

– М-минуточку! – отпустив боцмана, он спросил: – Для какого ознакомления?

– Просто интересуюсь, – ответил, насупившись, Константин Константинович. – А что?

– Говорите прямо, вы лазутчик «Интуриста»?

– Я – лазутчик?! – и рассмеялся. – Неужели похож?

– Потому и лазутчик, что не похож, иначе... – Шкипер потёр щетину на подбородке и, подумав, спросил: – Моряк?

– В некотором роде. Бывший, а ныне безработный, – подсказала вдруг интуиция.

– В Стране Советов нет безработных, – суконным языком штатного политинформатора произнес Билли Бонс и грозно глянул на боцмана. – Есть отлынивающие от работы и есть делающие вид, что заняты делом. А ты... а вы, товарищ моряк, чем занимались в морях?

– Я... судоводитель.

Боцман захохотал приятным баском.

– У нас, товарищ судоводитель, самая для вас компания! У нас тут все начальники и только один матрос. Чтобы не спутать с начальником, его и зовут Генкой-матросом.

– Проня, не встревай, – посоветовал шкипер и поднял с трюма влажный плащ, а Проня снял с него маленький пруттик. Этот штришок заставил Билли Бонса взглянуть на себя глазами стороннего наблюдателя: лицо, обладавшее всеми оттенками экваториального загара, обрело цвет моркови-каротели. Шкипер приложил ладони к щекам, чтобы проверить их температурный режим, и процедил сквозь зубы с тем раздражением, когда у человека начинают ныть все зубы разом: – Сторожа-а нам нужны, сто-ро-жа-ааа-а! Это же дерево! – Он лягнул рубку. – А оно горит! Шхуна принадлежит киностудии, эти ребята обанкротились и продают ее, а если случится пожар?! С кого спрос? С меня, а не с него! – и ткнул кулаком боцмана в живот.

– А продают «Интуристу»? – сообразил Константин Константинович.

– Вот именно!

Шкипер успокоился, и лицо его сразу приняло под щетиной прежнюю кирпичную окраску.

– Ладно, судоводитель, осматривай наше плавсредство, – разрешил он. – А вашу безработность я принимаю к сведению, и потому имею честь предложить вам должность матроса, хотя... пребываю в раздумьях и некоторых сомнениях.

– В сомнениях! – Боцман поддёрнул штаны и звонко, как по арбузу, хлопнул себя по голому животу. – Какого хрена, Петра Петрович! Или я увольняюсь, или щас же принимайте судоводителя! – с ходу предъявил он свой ультиматум. – Чо вы думаете, в самом деле? Ваську не взяли – неугоден, видите ли! Так вот вам готовый адмирал! – и купидон в свою очередь лягнул переборку рубки.

– Разберёмся! – пообещал Билли Бонс, а «судоводителю» сказал: – Погуляйте пока, коллега, присмотритесь, примоухайтесь, а я, с вашего позволения, удалюсь на некоторое время.

Осаждаемый множеством пренеприятнейших мыслей, скопившихся за два месяца бесплодных поисков постоянного жилья и работы, вдруг именно сейчас прорвавших плотину запрета, возведенную для защиты нервной системы хотя бы в часы отдыха, Константин Константинович мыкался по палубе и ничего толком не видел. Взор его был направлен внутрь себя, в круг, казалось, безнадежных проблем, которые могли теперь разрешиться, хотя бы частично, самым неожиданным образом. Он стоял на высоком квартердеке у штурвала и не сразу очнулся, когда его окликнули с палубы. Зрение вернулось к нему и сфокусировалось на... Да верить ли глазам?! Возле трюма стоял не расхристаный пират, а Капитан, капитан шхуны, каким, без сомнения, его видела и знала киношная публика. Подбородок был выскоблен до блеска, белая сорочка отливала голубизной, сверкали пуговицы новой тужурки, складки брюк резали взгляд, к носикам лаковых туфель, кажется, навек прилип ослепительный бличок, и только нарукавные шевроны желтели сдержанно-благородно, подчеркивая безупречность форменной одежды.

Константин Константинович сошел к Его Сиятельству, имея в душе некоторую оторопель. По лицу шкипера скользнула хитренькая усмешка Билли Бонса, довольного эффектом, как бы зачеркнувшим скепсис, ясно читавшийся полчаса назад в глазах забредшего не ко времени «судоводителя». Боцман, успевший убрать с палубы мусор, бросавшийся в глаза, а теперь кайлавший раскиданные снасти, хихикнул, вытянулся и отдал честь. Шкипер показал «дракону» кулак, чем привел его в полный восторг, выкинул башмак из ствола медной пушчонки и, шагнув к Константину Константиновичу, сухо сказал, указав на дверь кормовой каюты:

– Прошу ко мне.

Обстановка помещения была по-спартански неприхотлива. Две койки справа и слева, стол, накрытый узорчатой и потертой скатертью, взятой наверняка из киношного реквизита, три кресла – тоже изъяты оттуда, по обеим сторонам двери шкафы, покрытые моренкой и с намеком на резьбу. На столе – графин с водой, кружки и лоция Черного моря. Над окнами – медная трубка с кольцами для шторы, которую заменяли теперь два байковых одеяла, сдвинутых к бортам. Каюту заливал ровный сумрачный свет.

Шкипер указал Константину Константиновичу на кресло и посторонился, пропуская молодую женщину с чайником и корзиной, в которой лежали сахарница, маслѐнка, ложечки и ломтики батона с дольками аппетитной ветчины. Они вывалились из промасленной бумаги, потому что женщина, кем бы она ни была, швырнула корзину на стол, брякнула чайник и тут же вышла, не удостоив взглядом.

Константин Константинович ни о чем не спрашивал и не ждал объяснений: чужая жизнь – потемки.

– Варвара нынче не в духе... – буркнул шкипер.

– Боцман, по-моему, тоже? – предположил гость, усаживаясь в неудобное кресло, в то время как хозяин опустил на койку.

– У каждого свои причины, а они – будни, проза нашей жизни, – философски заметил шкипер, доставая из-под кровати банку с растворимым кофе. – В то же время, заметьте, ветчинка своя, домашняя, из личных запасов. Вот и пойми этих баб. Наверное, с муженьком схлестнулась. Он у нее здешний механик, а она – повариха, уборщица и буфетчица. Сейчас, в основном, повариха. Та еще штучка! Гонору воз – не соскучишься. Да и Санька ее из той же породы.

Когда принялись за кофе и бутерброды, шкипер побулькал ложечкой в кружке и приступил к делу.

– Для начала познакомимся, коллега. – Он приподнялся с кровати и подал руку. – Петр Петрович Старыкин, капитан этой лайбы.

– Константин Константинович Старыгин, – с улыбкой ответил «коллега», пожимая протянутую ладонь. – Экс-КДП, рыбак, одно время командовал трехмачтовой баркентиной. Нынче не у дел... по состоянию здоровья.

Последние слова вряд ли достигли ушей шкипера. Отвалившись к обшивке, он хохотал, утирая слезы белоснежным носовым платком.

– Нет, надо же! Одна буковка, а какой эффект! – воскликнул, насмеявшись вдоволь. – Итак, коллега и почти однофамилец, имею честь сообщить, что дело, за которое мы долго боролись и которым сносно кормились, проиграно по всем статьям. Да, кормушка закончилась. Шхуна, считай, продана. Наша главная задача – до передачи ее новому владельцу не допустить пожара или утопа. Для этого нужен даже не квалифицированный матрос, а дисциплинированный сторож. Хотя бы один! Мои вахлаки вахту стоят спустя рукава, а прогнать не могу, потому как все они – старожилы и любимцы публики. Это про нашего единственного на сей момент матроса один народный артист сказал: «Геночка – симпомпончик, любимец южной публики, с крейсера «Алмаз». Все они – симпомпончики, но безделье разлагает любой коллектив. Вот и начинаются свары и прочие изображения неудовольствия, что и продемонстрировали тебе Проня и Варька по полной программе. Итак, я предложил. Что скажешь?

– Возможно ли трудоустройство без здешней прописки?

– Будь у нас видимость нормальной работы, я сам бы потребовал у тебя показать штампик в паспорте. Сейчас можно и без него. Но если собираешься всерьез бросать якорь в здешних краях, то без прописки нельзя. С ней устраивайся, как знаешь. Я же могу предложить только восемьдесят целковых в месяц, дармовые харчи и крышу над головой.

– Яснее ясного...

– Выходит, не местный? – спросил Петр Петрович, закуривая сигарету. – Я тоже. Из Ростова, что на Дону. Когда-то и под моим началом была баркентина «Альфа». Видел фильм «Алые паруса»? Она снималась. Потом ее – на дрова, а я оказался на «Мэгги Мэй».

Он швырнул окурок в пепельницу, отхлебнул из кружки и сказал:

– Позволь, коллега, взглянуть на твои верительные грамоты. Хочу узнать все-таки, что ты за судоводитель такой.

– Не взял! – огорчился Константин Константинович. – Паспорт – пожалуйста, а всё остальное... Я ж не рассчитывал на подобную встречу. Ехал на разведку в поселок. Хотел присмотреть угол у частника, но никак не думал, что на берегах зачуханной речушки сыщется такой солидный работодатель.

– Куда уж солидней! – ухмыльнулся шкипер. – Ладно, об этом еще побеседуем. Пока скажу, Константин Константинович, что уже имею на тебя определенные виды. О них – при новой встрече. Надо подумать и обмозговать детали, чтобы не пороть горячки. Привози документы, судоводитель Старыгин, а там и решим, что и как.

3

Катер ошвартовался у Греческого мыса.

Константин Константинович поднялся и сошел на берег, внезапно подчинившись не столько желанию побродить среди древних развалин, сколь нежеланию возвращаться к бабке Павлине, где его подвергнут нудному допросу и не менее нудным нравоучениям по поводу копеек, не уплаченных за пользование телефоном и телевизором, посуды, забытой в раковине, книжки, оставленной в ванной комнате, и прочей ерунды.

Имелась и другая причина, приведшая его не только на Греческий мыс, но вообще на эти берега. Когда-то, и достаточно давно, его траулер простоял три месяца на здешнем Морзаводе. Уже тогда он много раз собирался побывать на древней земле этого мыса, но помешал плотный график ремонта. Собственно, та незабытая стоянка в сразу полюбившемся городе и предопределила его выбор, когда пришлось подумать о перемене места и климата, как, впрочем, и главное, пожалуй, обстоятельство: в боях за этот город погиб его отец. Там, не на самом дальнем Севере, скорее, в средней полосе России Константин Константинович жил в томлении по этим местам, в размышлениях о жизни и смерти тоже возвращался сюда. Отсюда и настойчивость, с какой Константин Константинович добивался права бросить здесь якорь на законных основаниях, но не находил понимания в чиновничьих инстанциях, вязких, топких, как болота, и таких же гиблых для всякой мало-мальской просьбы.

Да, прошлое покрылось патиной, чувства, испытанные когда-то, притупились и улеглись, но сейчас они вспыхнули с прежней силой и обожгли при новой встрече с глазу на глаз гораздо большей и сильнее, чем прежде.

Он брёл среди каменных груд, шел туда, где светились на солнце кособокие свечи колонн с округлыми, обточенными временем бутонами капителей. Теплая желтизна оплывшего, подобно воску, мрамора пробудила в нем чувства или ощущения столь же древние, как и эти руины. Он всегда интересовался историей, и было время, когда Костя Старыгин был готов к поступлению в университет, но судьба решила иначе: выбрал нечто противоположное, как думал, по духу и пошел «дорогою проклятой, звонкою дорогою морской». Впрочем, очень быстро пришло убеждение, что свернул не на глухой просёлок, просто перебрался на другой широкий тракт с иными ориентирами. Моря и океаны в его понятиях тоже решали неразрешимые загадки времени, а эта проблема всегда занимала его, правда, с чисто утилитарной точки зрения. Загадки, думалось Константину Константиновичу, быть может, гораздо весомее для каждого человека уже потому, что служат фундаментом жизни, проросшей сквозь вечность, в том числе и на этой земле. Бесконечность вселенной, необратимость времени или наоборот его возможная обратимость и вечность – что они есть для человека? Человек – аз грешный – должен ли задумываться о китах мироздания, или в жизни обывателя они не играют никакой роли? Наверное, большинству или меньшинству – какая, в сущности, разница? – проще прибегнуть к помощи Бога, всеведающего и всезнающего от века, переложить на него все заботы

– И потому столько такого разнообразного и удивительно живучего в сознании людей, не находящего поддержки у земных властителей, – вслух произнес Константин Константинович и опустил на камни, бывшие некогда городской стеной.

Возле ног – кустики упругой блеклой травы. Он вырвал пучок и ткнул носом в шершавые и жесткие стебли: не полынь, а вроде горчит... Дурман! Пропитались пылью веков: корни – кремнием, стебли – солью Понта Эвксинского...

Все так же пуст Эвксинский Понт,
И так же рдян закат суровый,
И виден тот же горизонт,

Текучий, гулкий и лиловый.

Даль мерцала.

Желто-розовые обрывы неприметно выростали из вод бухты и терялись в небе, едва очерченные расплывчатым контуром. Рыбачьи лодки белели на темных заплатах ряби, испятнавших поверхность у борта крейсера, стоявшего на бочках. Серый корабль никуда не спешил, но дымил нещадно. Жирный черный султан лез в небо наперегонки с молочной струей пара, ветер перемещивал их вершины, а неряшливый шлейф изгибался и медленно плыл навстречу эсминцу, направлявшемуся из бухты в море. Вот он скользнул за боны, прибавил хода, а вскоре нырнул в сгустившееся у горизонта море, отмигав ратьером на берег что-то служебное.

Теперь ожил крейсер.

Он кинул ввысь последние излишки пара, втянул черный султан и, выбирая с бочек швартовые, сдвинулся с места, а после, похожий на щуку, разом пошел-пошел-пошел вслед за эсминцем, рванулся вперед и, завернувшись в ту же кисею, исчез из глаз.

«Вот и умчались сизари – тельняшки полосатые», – подумал Константин Константинович и вздрогнул от звонкого мальчишечьего возгласа, раздавшегося под обрывом:

– Ма-ам, а я поймал еще одного!

Ликующий вопль вызвал улыбку. Константин Константинович поднялся с камня и заглянул под обрыв. Внизу каменный хаос, колдобины и лужи, теплая водичка, водоросли и зеленые мхи – охотничьи уголья смуглого тонконового пацана. Ловит мальков? О, крабов! Синие трусики, белая рубашка и руки-спички, насторожившиеся над одной из луж, и... и снова стремительный бросок пальцев вглубь колдобины.

– Мам, а мам, еще одного!

Когда кто-то скользкий, крохотный и кусачий, был опущен в садок из обломков красной черепицы, из тени под обрывом вышла женщина в оранжевом купальнике. Заложив пальцем страницу в книге, которую только что читала, она попросила:

– Отпусти его в море, сын, и лезь-ка ты в воду.

– Не-е, мам, одна купайся!

– Как хочешь...

Она положила книгу на серую плиту известняка, сошла в воду, осторожно нащупывая дно ступнями крепких ног, обмакнулась, присев, и устремилась от берега к ближней бочке, по-мужски выбрасывая руки.

Константин Константинович давно изнывал от зудливой жары, поэтому, не раздумывая, полез с обрыва: «Смою пыль и... к бабке Павлине на раздолбон!».

– Смотри, натуралист, крабы-то разбегаются! – поддразнил мальчика, снимая одежду.

– А-а... Пусть! – ответил охотник, наморщив нос и побулькав ладошкой в садке.

– Тогда в каких целях охота?

– Так я же играю с ними! – удивился пацан его непонятливости. – Я – с ними, они – со мной. Наиграемся и – по домам!

– Это хорошо, когда игры обходятся без выкручивания рук-ног, – похвалил Константин Константинович юного краболова. – «На песчаном белом берегу островка в восточном океане я, не отирая влажных глаз, с маленьким играю крабом». Это про тебя сказано, охотник.

– Крабы есть, а где песок? – Мальчик вскочил и, обернувшись к нему, засмеялся: – Это про вас сказано!

– Почему про меня?!

– Здесь какое море? Черное. А вы – про восточный океан, а у вас у локтя штурвал и якорь наколоты и даже надпись есть «Дальний Восток». А что на востоке? Тихий океан – самый большой и самый восточный, вот!

– Для кого-то он западный, – усмехнулся Константин Константинович, входя в воду. – А ты, брат, глазаст! Прямо Шерлок Холмс.

Купание началось неудачно. Поскользнувшись на бархатном мху скользких плит, он расшиб на ноге палец, поэтому быстренько сполоснулся и забрался на камень, торчавший в метре от берега.

Женщина возвращалась. Плыла медленно, подолгу отдыхая на спине. Он проследил за ней взглядом и глянул мельком на оставленную книгу: «Странная парочка! Мальчонка не без юмора, а мамаша читает „Психологию и патопсихологию одиночества“! Впрочем, мало ли чего только нынче не читают».

– Дядя, а вы, как Робинзон на необитаемом острове! – засмеялся мальчик.

– Точно! – согласился он. – Вокруг океан, остров необитаем, значит, так и есть.

– А вот и нетушки! – подпрыгнул краболов. – Я же ж рядом обитаю!

– Тогда... тогда ты Пятница. Робинзону Пятница положен по штатному расписанию.

– Не-а! У меня – мама. Видите, плывет сюда?

– Вижу. Она тоже Робинзон?

– Женщины Робинзонами не бывают. Она – просто мама.

«Много ты, шкет, понимаешь в Робинзонах!» – подумал Константин Константинович, но предпочел согласиться:

– Верно. Быть Робинзоном – это по мужской части. Но, скажу тебе, юнга, скучное занятие – быть Робинзоном.

– И вовсе нет! – запротестовал знаток робинзоньей жизни. – У него же ж был попугай!

– Не только, – усмехнулся Константин Константинович, ставший Робинзоном. – Собаку забыл? А общество коз и кошек? А когда появился Пятница, думаешь, началась райская жизнь? Вот ты бы, к примеру, согласился жить только с попугаем и собакой?

– Не-а! Я – с мамой.

– Эх, заладил! И то правильно, в зверинце долго не выдержишь.

– Конечно! – поддержал мальчишка. – Даже с человеческими обезьянами! А тот, который с крабами, он ведь плакал, да?

– Почему так думаешь?

– А глаза-то влажные!

– От морской воды...

– Если бы от морской, он бы их вытирал, а он не вытирал!

– Слезы, брат, тоже вытирают, а иногда они высыхают еще до того, как их соберутся утереть, – запутался Константин Константинович и, рассмеявшись, подумал, что с этим пацаном, наверно, не соскучишься. – Понимаешь, краболов, взрослые тоже, бывает, играют с крабами, но играют не от хорошей жизни, потому иногда и нюнят. А потому нюнят, что ничего другого им не остается, – добавил для себя.

Женщина была уже рядом. Нашупала дно, подобрала распутившуюся косу и окинула взглядом своего мальчонку и незнакомца, державшегося за палец на ноге, а сыну сказала:

– С утра просился на море, а жарись на берегу, – и, выходя на берег, быстро нагнулась и обдала мальчишку из пригоршней. Тот завизжал и отпрянул с хохотом. Оказавшись на безопасном расстоянии, посоветовал родительнице:

– Ты дядю Робинзона обрызгай. Он же совсем голый, а я почти одетый.

– Сынище, что ты говоришь! Как можно?

– Так он же хотел купаться, а сам на камне сидит!

– Барон фон Гринвальдус, сей доблестный рыцарь, всё в той же позиции на камне сидит, – пошутила незнакомка, но Константин Константинович насупился и стиснул ладонью саднящий палец: ноготь был сломан и ранку пощипывала вода. Женщина спокойно, но внимательно

посмотрела на... Робинзона, а сына упрекнула: – Уж не набиваешься ли ты, Коська, в Пятницы к Робинзону?

– И не думал! – заверил тот.

Женщина поняла состояние человека, попавшего в «аварию», и, отжимая косу, предложила мягко, не навязчиво:

– Вода – чудо. Взяли бы и – наперегонки!

– Я не умею плавать, – внезапно соврал Константин Константинович и, злясь на себя ни за что ни про что, напрягся внутри и растопырился еще больше.

– Видимо, штурвалами и якорями нынче украшаются люди, не имеющие к морю никакого отношения, – съязвила она.

– А что – якорь? – ответил на насмешку Константин Константинович. – Он плавает не хуже топора, то бишь, отменно идет ко дну, в чем и состоит его главное предназначение: побыстрее утонуть и как можно крепче уцепиться за дно.

Женщина не приняла его тона. Пожала плечами и ушла одеваться. Мальчик тоже запрыгал, путаясь в шортиках.

– Коська, побыстрей оборачивайся! – поторопила она. – А сандалии надень, незачем их в руках нести!

Одевшись, она вернулась за книгой.

– Прощайте... Робинзон! – сказала и пошла к обрыву.

Краболов, ничего не понимая, заглядывался на Робинзона: была игра, разговор, было весело – и всё переменялось разом. Его подгоняют, торопят – вот и пойми этих взрослых! Застегнув сандалии, он выпустил из садка последних пленников, помахал рукой незнакомому дядьке и побежал за матерью, которая взбиралась по тропе и была уже на середине подъема.

Константин Константинович вздохнул и закрыл глаза, а когда их открыл, мальчика и женщины уже не было видно с берега.

Стало грустно: Робинзон! А ведь он был, был Робинзоном на том крохотном острове в заливе Батабано! И если остался жив, то неужели только затем, чтобы стать Робинзоном среди людей?!

4

Близилось время платежа за квартиру. Собираясь на шхуну, он сказал бабке Павлине о своем банкротстве, о том, что поиздержался. Писал другу – просил займы некоторую сумму, но ответа пока не получил. Возможно, друг в отъезде и пришлет позже. Павлина Тарасовна всплеснула руками: «Ах, как же так?! А она-то рассчитывала!». И, демонстрируя душевные муки признаками зубной боли, ухватилась за подбородок, а потом скрылась на кухне, «чтобы хорошенько подумать» и предъявить должнику свои контраргументы.

– Павлина Тарасовна, ухожу от вас не куда-нибудь – в пираты! – сообщил он, сунув голову в дверь. – Как только распатроним жирного купчину и разживемся золотишком, воздам вам сторицей за приют. Все-таки два месяца я жил у вас, как у Христа за пазухой.

Бабка Павлина сделала отмашку пухлой рукой. Она всё еще изображала переживания и душевное смятение. Давала понять, что ей не до шуток, что мысль ее бьется в клетке, ибо решения головоломки, предложенной жильцом, нет и в помине.

Константин Константинович помялся, потоптался у двери, пообещал с первой полочки вернуть ей мешок пиастров, а за просрочку – попугая, но так как реакции снова не последовало, вернулся к себе в комнату, которая уже сегодня станет не его. Да, надо прощаться с надежным убежищем, которое целых два месяца укрывало его от всех дневных неудач и «хождений по мукам» канцелярским, которые оказались непреодолимым бастионом. Пока! Уж в этом он был убежден, и потому, опустившись в кресло, с удовольствием, чего не бывало раньше, посмотрел на сервант, уставленный фужерами и графинчиками, сервизами, стопками, рюмками, понурыми слониками и чертями, делавшими «нос» друг другу.

Хорошая, мирная комната, но... уже не его. Скоро она будет принадлежать прозектору Марку, жрецу смерти во имя жизни, пожелавшему вернуться в родной город ради первой любви. Достойное чувство! И дай ему Бог удачи и счастья. Да, пусть будет счастлив младшенький, как, видимо, счастлив старшенький, и пусть эта бонбоньерка не станет монашеской кельей, пусть прозектор вернет женщину и добьется любви пасынка, и сам непременно тоже полюбит его настоящей отцовской любовью.

В отличие от Павлины Тарасовны, он чувствовал себя распрекрасно и, прощаясь с комнатой, вышел на балкончик, глядя на двор сквозь ажур ветвей и листья. Всё было так привычно, так знакомо... Этот двор, акации, скамейки, лестница наверх, будто уходящая в небо, внизу – десяток ступеней, ведущих в еще один ярус двора, имевший выход на улицу через арку в длинном многоквартирном доме.

Константин Константинович задумчиво покачался на носках и даже тихонько пропел: «Чайный домик, словно бонбоньерка, в палисаде из цветущих роз, с палубы английской канонерки на берег...». И осекся: показалось, что аркой прошли давешние женщина и мальчик, с Греческого мыса. Константин Константинович напрягся и, смахнув с лица мгновенно выступивший пот, со свистом выдохнул воздух: «Показалось! А если и не показалось, что с того?».

Он вернулся в комнату одновременно с бабкой Павлиной, вошедшей, как всегда, без стука. «Нервничает бабулька!» – отметил жилец, когда та включила телевизор, но, увидев на экране расхристанного, в блеске и мишуре певца-эпилептика, готового укусить ребристую шишку микрофона, торопливо шелкнула тумблером и погасила попсу.

– У каждого из нас, Константин, свои принципы, – возвестила она голосом, каким, наверно, открывала педсовет, – и я, Константин, во имя своих, хотела бы получить все-таки с вас собственные деньги. Собственные!

– Увы мне! – развел он руками и, чтобы оттянуть время и придумать какой-то спасительный ход, перешел на английский: – Ай хэв ноу мани, мэйби ю тэйк май съюткейс инстед?

– Не заговаривайте мне зубы! – отчеканила бабуля, устремив в негодовании ледяной взгляд, когда-то приводивший в трепет и школяров, и педагогов. – Я – историчка, а вы решили сделать из меня истеричку?

– Нет у меня денег... – пробормотал он и вытащил из-под кровати свой чемодан. – Возьмите его в залог. Я не бегу от вас на край света, а долг верну при первой возможности.

– Олл райт, Константин! – согласилась та с издевкой.

– Вэри вэл, – откликнулся он с облегчением. – С вашего позволения, я возьму из него лишь смену белья и бритву. Гуд?

– Конечно, конечно! Чистота – залог здоровья даже на пиратском поприще! – взрезвилась теперь и бабуля, а он быстро собрал нужный скарб и сунул в портфель.

– Гуд байте, Павлина Тарасовна, – сказал, обернувшись в дверях. – Благодарю вас за кров. Я понимаю, что на войне как на войне. За всё нужно платить, особенно за принципы, и если я погибну в кровавой схватке на борту шхуны, то, как адмирал Нельсон, подниму на мачте сигнал: «Павлина Тарасовна надеется, что Константин Старыгин выполнит свой долг». В смысле – вернёт его вам. И я погибну не раньше, чем расплачусь с вами.

– Надеюсь, Константин, очень на это надеюсь. В противном случае, на вашей могиле вместо обелиска придется поставить чемодан.

– Ваша взяла! – усмехнулся он и сбежал по лестнице во двор.

5

– Признаться, не ждал! – воскликнул Петр Петрович, снова принявший облик Билли Бонса. – Думал, бзик гастролёра.

– Мой «бзик» закономерен, а почему вы, тутошние, цепляетесь за шхуну? – спросил Константин Константинович, подавая документы.

– Долго объяснять, да и нет желания, Константин Константинович.

– Называйте меня Константином, даже Костей – для матроса так будет лучше. А если на шхуне приняты прозвища, то – Робинзоном.

– П-почему?!

– Долго объяснять, да и нет желания, – засмеялся Константин.

– А коли так, спустимся в кают-компанию, – предложил шкипер. – Сегодня печёт, здесь духота, а там всё попохладнее.

«Как вовремя подвернулась шхуна, – думал без пяти минут матрос, шагая за шкипером. – Билли Бонс этот, Проня, дитё человеческое, повариха с лицом злой красотки... Но главное все-таки – свое место под солнцем! Неужто судьба? О ней, правда, сказано кем-то, что она – всего лишь взаимодействие тысяч и тысяч причин, но правда и то, что если я заварил эту кашу, то какие-то причины должны связаться в узел и дать искомый результат...»

Шкипер распахнул перед ним дверь фор-рубки. Они спустились в сумрачное, но довольно просторное помещение. Собственно кают-компанию представляли только стол и две скамьи, вмонтированные в палубу, всё остальное было кубриком. Об этом говорили койки и рундуки, сдвинутые в корму и заваленные каким-то тряпьем, в том числе телогрейками, бушлатами, подушками и матрацами. Дневной свет попадал сюда только через открытую дверь, а несколько электрических ламп лишь создавали вокруг стола мягкие тени и сохраняли желтый сумрак.

Они сели друг против друга, шкипер разложил перед собой документы Константина.

Шкипер сдвинул в сторону снарядную гильзу с букетиком высохших трав, к себе подвинул пепельницу из половины кокоса и закурил. Задрав голову, отправил к подволоку аккуратную вереницу голубых колец и задал вопрос:

– Значит, решился к нам? Тогда... Тогда требуется дополнительная информация для принятия, скажем так, определенного решения.

– Кому требуется? – уточнил Константин и, не спросив разрешения, медленно извлёк из пачки сигарету, подержал ее и положил обратно.

– Что же ты? Кури! – Шкипер щелчком отправил пачку обратно и подал зажигалку.

Константин подумал, проглотил обильную слюну и... закурил.

– Мне требуется информация, Константин Робинзоныч. Потому что мне нужен человек, на которого я мог бы во всём положиться. Видишь ли... – Он вздохнул. – Я вырваться домой не могу! А дом, я говорил тебе, аж в Ростове аж на Дону! Близок локоть, да не укусишь! Самое время, пока затишье, пока интуристы нас не тревожат, смотаться к своим – тыщу лет не был! – восклицал он. – А я, несчастный, не могу оставить шхуну на Проню и Генку-матроса. Теперь соображаешь, почему я так к тебе?

– Начинаю соображать.

– Вот и умница! – оживился Билли Бонс. – Знающего и ответственного человека к нам не заманишь никаким калачом в сахарной пудре. И вообще, из знающих ты – первый. Потому и удивительно мне, судоводитель Старыгин, что рвешься ты на бесперспективную лайбу, которую, может, уже завтра превратят в кабак.

– По-моему, Петр Петрович...

– А ты, Костя, без церемоний, попросту!

– Хорошо. Я, Петя, еще вчера всё тебе объяснил. Я б хоть сейчас в море. И меня бы, поверь, сразу – с руками и с ногами!

– Да уж! Судя по твоей «трудовой».

– Ну вот. А мотор, – он приложил ладонь к сердцу, – мотор стучит вразнос. Никакая комиссия не допустит с моей ишемией. Это одно. А другое – мне важно обосноваться на этих берегах, а вот как? Пока не знаю. Шхуна твоя – первая зацепка. Ступенька, понимаешь? Отдышусь на ней да огляжусь и, может, шагну на следующую.

– П-па-анятно...

Он не договорил. Откуда-то со стороны носа, из непроглядной тьмы за фок-мачтой, что делила кают-компанию на две половины, раздался сонный возглас:

– Тихо, баушки, кругом шпие́ны!

Шкипер сморщился, как от кислого, а тьма разъяснила:

– Это не я, это моими устами говорит народная мудрость! Базлаете, как на базаре, а я краснеть вынужден, приобщаясь к тайнам мадридского двора!

– Молчать, орясина, расстрига, ковбой-засоня! – гаркнул Билли Бонс во всю мощь пиратской глотки, гаркнул весело и пояснил: – Это Генка-матрос проснулся. Но я бы назвал его Боем Длинное Ухо.

– Нормальное ухо! – донеслось, как из гроба. – Оба уха нормальные, и не надо вешать ярлыки! Зато я знаю теперь, что вы ни в грош не ставите меня и Проню. Спасибочки вам, Петр Петрович, уважили!

– Вознесем на палубу, – поднялся шкипер. – Этот вахлак не даст поговорить.

Они поднялись наверх.

С раскаленного причала несло воню.

– Контейнер полон отходов, а золотарей не можем дожидаться, – пояснил шкипер. – Они и не приедут – давно не плачено. Завтра аврал объявлю. Вёдрами и – в те заросли тростника. Пусть рыбы кормятся. Здесь у нас уйма ставриды и пикши. Иногда ловим для разнообразия стола. Знаешь, пойдём ко мне, там и договорим.

Однако в каюте он начал с характеристики своих подчиненных.

– Генка-матрос – бывший студент с недавним армейским прошлым. Говорит, что выперли его из университета за аморалку и сразу, естественно, загребли. Парнюга своеобразный, но с характером, афганец, как и Проня. Генка стишки пописывает, по девкам шляется. Ему жизнь на шхуне – малина. Говорит, что пока другой не нужно. Блудит где-то в городе, на судне лишь отсыпается во время вахты. Проспится и третирует своего капитана всякой вульгарщиной. Ну, ты же слышал!

– А боцман?

– Проня с Южного берега. У матери свой домишко при каком-то санатории. Каменная хибарка на самом берегу. Хороший парень, но с дисциплиной... Ну, ты же слышал вчера!

– Варвару я уже видел, – улыбнулся Константин.

– А с муженьком, с Санькой-механиком, еще познакомишься. Та еще парочка – баран да ярочка! Куркули! Видел домишко по ту сторону причала? Там у нас что-то вроде гостиницы и склада для краски и разных веревок. Кухонька там же. Варька готовит иной раз, там они и живут, но... Но! У них где-то есть усадьба. Не слишком далеко, а хозяйствует якобы какой-то наймит. Вот где секреты мадридского двора, а не здесь, не на шхуне. В общем, с этой парой, Костя, держи ухо востро. Будут третировать – не поддавайся, в обиду себя не давай, но постарайся сразу поставить обоих на место. С ними – только так.

– Как я понял, это весь контингент?

– Наш – да, но есть и пришлый. Заглядывает иногда Васька Дробот. Вон их домина, – и подойдя к окну, указал Константину на дом за высоким каменным забором, стоявший почти у шоссе, там, где оно поворачивало от берега, плавно поднималось в гору и делало новый

крутой поворот, чтобы взобраться теперь на гребень обрыва и исчезнуть в поселке. – Варька и Санька частые гости в том доме, а Васька заглядывает к нам. Мы его не жалуем. Шпана! Здоровенная дубина и главный здешний хулиган. Поэтому я и не взял его матросом. Собрал вокруг себя шайку огольцов, и нет на него управы. На борт стараемся не пускать, так он у Варьки кантуется. С ним тоже познакомишься. И зря его Проня приваживает. В шахматы, вишь, играют!

– Кажется, я уже...

И Константин рассказал вчерашней о стычке на палубе «Черноморца».

– Та-ак... Если он тебя приметил – плохо. Будет по возможности гадить.

– Ничего, не съест.

– Как знать, как знать... – поморщился Билли Бонс. – Однако вернемся к нашим баранам.

Ты чем занимался в последнее время?

– Преподавал навигацию в институте водников. В Сибири, – уточнил Константин.

– Ну, она здесь тебе не понадобится

– Ставлю условие, Петр, – и, нагнувшись к шкиперу, словно доверяя тайну, попросил: –

Не говори никому о моем капитанстве, лады? Штурман – и штурман. Бывший. Если спросят.

– Молчание – золото, – усмехнулся шкипер, – а его у меня пуды. Такой монетой согласен платить за труды, – срифмовал он и снова усмехнулся. – И знай, каких-то особых забот у тебя не будет. Они – прерогатива боцмана. Он и с чековой книжкой знаком, и с ведомостью на зарплату, и к доставке оной на шхуну. Твоя забота – наладить отношения со всеми, особенно с Варькой и Санькой. Изжогой не маешься? – поинтересовался шкипер и тут же пообещал: – Будешь! Она может готовить, но если вздумает кобениться, то такого нафордыбачит...

– Дал бы по шапке – и нет изжоги.

– Больно ты скор! Но с ними это не проханже. Столько крови испортят – не возрадуешься.

Такой у них подлый норв.

– Спасибо за информацию. Учту.

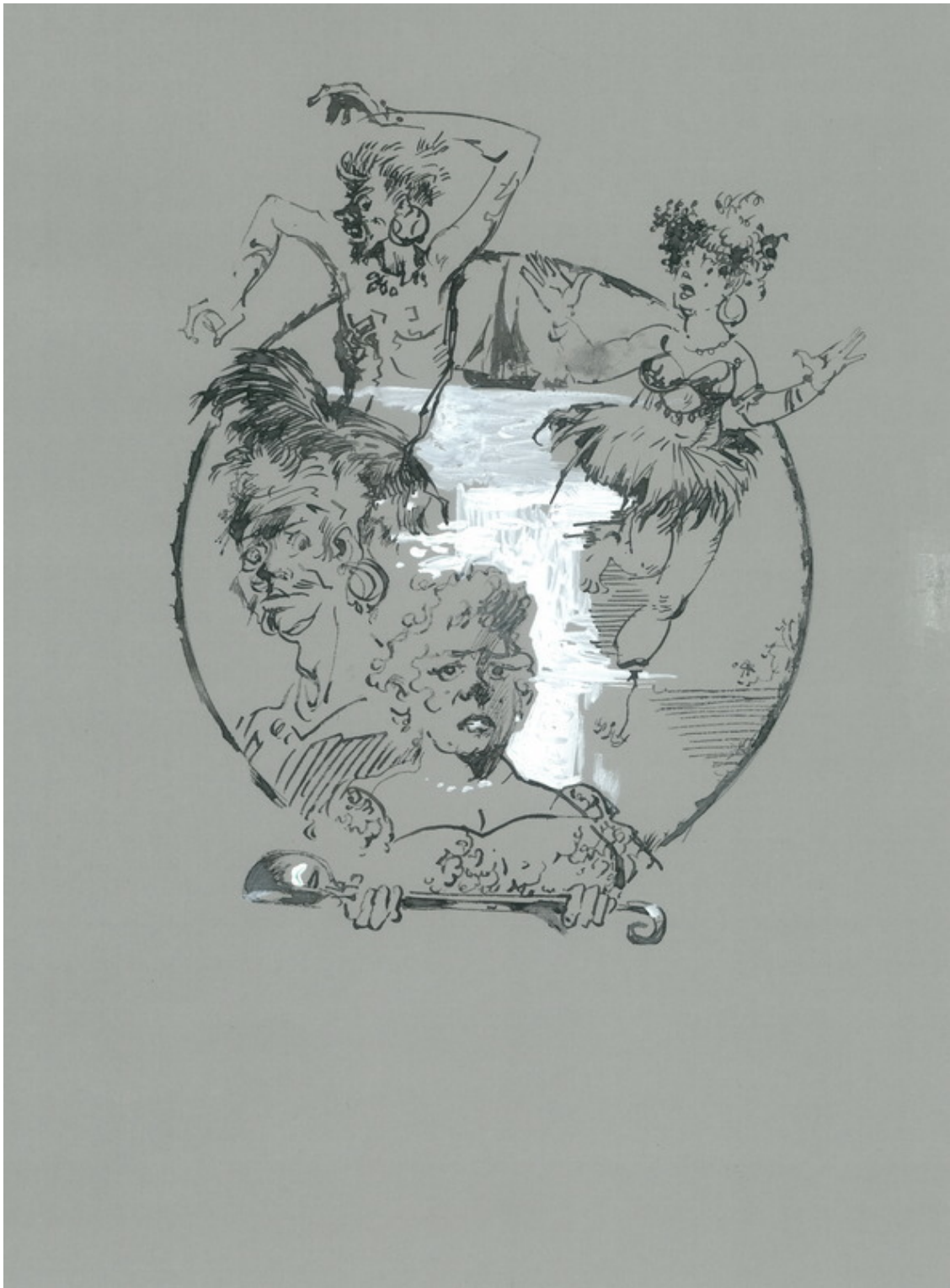
Шкипер движением ног сбросил кирзачи и размотал портянки.

– Сейчас прокачусь на Южный берег, а ты поступай, как знаешь. Хочешь, оставайся и привыкай, есть дела в городе – прошу со мной.

– Нет, я останусь на шхуне.

– Твоя воля, коли ты домосед. Сейчас Проня прибудет. За хлебом уехал. Он тебе место укажет, команду на всякий случай я дал еще вчера. Он тебя бельишком снабдит. И вообще, пока меня нет, все вопросы к нему. Проня – парень бесхитростный. Ежели полюбит – будет верен. С ним ты, думаю, подружишься.

Константин проводил шкипера до катера и ушел с причала, когда возле шхуны появился грузовичок, с которого Проня начал таскать в домик мешки с хлебом.

Та еще парочка – баран да ярочка! Куркули! В общем, с этой парой, Костя, держи ухо востро. Будут третировать – не поддавайся, в обиду себя не давай, но постарайся сразу поставить обоих на место. С ними – только так.

6

Константин поселился в узком отсеке по правому борту. Обстановка – койка и тумбочка. Перекошенная дверь до конца не закрывалась, отчего в этот деревянный пенал всегда узким лучом попадал свет из кают-компания, но эта мелочь не беспокоила нового матроса.

– Кэп слиняет в Ростов, а нам, случись что, обеспечена ха-арррошая клизма! Верно, Константиныч? – кинул боцман пробный шар насчет их ближайшего будущего, добиваясь от новичка прогнозов на этот счет. Но тот ограничился дежурной фразой: «Будут бить – будем плакать» и попросил Проню показать ему все закоулки шхуны. Боцман повел его за фок-мачту в носовой кубрик, утонувший в полумраке и пахнувший пылью.

В центре высились двухъярусные койки, вдоль бортов – узкие шкафчики, на которых тоже покоились лежанки. Над ними нависали рундуки с висячими замками. «Для оружия, которого сейчас нет», – пояснил боцман. В щели между ними и лежанками сгустилась первозданная тьма, вдруг пригрозившая человеческим голосом:

– Каррамба! Как долбану щас из базуки, чтобы не шлялись! – и Генка-матрос высунил из щели лохматую голову. – Ба, новый сторож у нашего крыльца! Зачем-зачем ты снова повстречался, зачем нарушил мой покой?

– Я слышал, что вы на вахте, Геннадий?

– Я там, где я есть. И я не Геннадий, а Генка-матрос. А вы, как мы слышали, Константин Константиныч? Длинно и скучно – язык сломаешь. Ну почему вы не наш капитан?! Костя-капитан. Рыбачка Варька как-то в мае, направив к берегу кунгас... Звучит! Особенно в ряду других: Санька-механик, Варька-повариха и примкнувший к ним Проня-боцман. Нет, Проня-дракон. Дракон – это звучит гордо.

– Трепло ты и балаболка, а не матрос. Заткнулся бы, – посоветовал боцман.

– А ты – грубиян, как все невежественные люди, – вознегодовала тьма, скрывшая балаболку. – Тяжело мне, душно мне среди здесь, мон шер Константайн. Ведь я, к несчастью, единственный умный интеллигентный человек в этой шайке! – крикнул им вслед, но услышав звон бутылок, задетых ногами посетителей захолустья, издал вопль: – Нельзя ли поосторожнее! Я, как Гобсек, трясусь денно и ночью над каждой стеклянной крупницей социалистической субкультуры, а вы пинаете ее наследие деклассированными кирзачами!

– Заткнись! – повторил боцман прежний совет, разбрасывая бутылки сапогами.

– Сам заткнись! – вернулось к нему. – Вождь и учитель сказал, что социализм – это учет, и я, верный великим заветам, собираю их, чтобы сдать и помочь экономике государства и своему карману, а вы... Вы хуже вандалов и гуннов! – ораторствовал Генка-матрос, который, будучи в превосходном настроении, да и выпавшимся к тому же, сейчас развлекался как мог. – Вы не способны понять, на что он руку поднимал, а вы – ногу! Ноги! Четыре ноги в грязных сапожищах! Вы похожи на матросню, ворвавшуюся в Зимний дворец, вы...

В воздухе просвистел старый башмак, очевидно, угодивший в цель. Оратор захлебнулся и ойкнул. Проня злорадно расхохотался: «Что, съел?!».

Константин обошел кубрик, наощупь пошарил в рундуках и вернулся к себе с добычей, которая положила начало его библиотеке в личном «пенале». Это были «Робинзон Крузо», изданный «Академией», и «Остров сокровищ». Книги были, что называется, зачитаны до дыр, но ухитрились сохранить все листы.

Жилище Константина из-за конфигурации борта, уходившего здесь и к килю, и к форштевню, скорее напоминало высокий гробик, но он оставил за ним прежнее название: «пенал», что более отвечало истине. Он все-таки был пока еще жив, а когда «задвигался» внутрь, то походил на карандаш, положенный на койку, как в деревянную коробку до следующего упо-

требления. А «употреблять» его будут уже завтра. Он сменит Генку-матроса и – Константин улыбнулся – станет вахтенным Костей-матросом.

В этот день он больше ничего не предпринимал – «вживался в образ», начав с конца книги, читал о приключениях Робинзона в сибирской тайге, ужинал вместе со всеми. Варвара расстаралась, – призрак изжоги отодвинулся на неопределенное время. Потом снова лежал в своей каморке и слушал, как Генка-матрос складывает бутылки в мешок и бормочет: «Пускай ты выпита другим, но мне осталась, мне осталась бутылка, мы ее сдадим и снова чекулдыкнем малость».

Шкипер вернулся утром следующего дня.

Его башмаки, несмотря на дождь, не потеряли блеска, мокрый плащ воинственно топорщился, морская фуражка, пошитая из мягкой кожи, сидела на нем с каким-то особым шиком, и весь нынешний Билли Бонс выглядел так шикарно, что Константин позавидовал его умению носить морскую форму так по-своему, так красиво и непринужденно.

– Ты зачислен, я отпущен! – радостно хохотнул Петр Петрович. – Значит, так. Уезжаю на три недели, но буду пребывать в нетях по мере надобности. Так договорились на высшем уровне. А уровень тот поразился почти полному совпадению фамилий при несовпадении одной буквы. И знаешь, это, собственно, и решило быстрый исход дела, если не считать моих дипломатических талантов, ну и моего умения находить общий язык с этими крокодилами и крючками. Я тут артистом стал, а это, как ни крути, большой аргумент, когда забираешься в буераки и начинаешь плутать в них. – Он пребывал в радостном возбуждении и, видимо, предвкушая скорый отъезд, поминутно вскакивал и, давая «ценные указания», тыкал пальцем в грудь Константина. – Если нагрянет «Интурист», я не понадобится: нагрянет с киношниками, так что ты не бойсь. А у меня много дел. Хочу в Новороссийске удочку забросить насчет пароходства – авось клюнет. Я, говорю же, актёр, я нагледелся на лицедеев и сам могу лицедействовать. Я в кадрах такой сценарий раскручу, я им такую драму сварганю, что этих паучков-кадровичков запутаю в ихней же паутине. Веришь?

– Я в тебя сразу поверил, – подтвердил Константин.

– Тогда я намерен нынче же махнуть за пролив, – сообщил шкипер, торопливо собирая чемодан. – Сейчас мы с тобой примем по капочке коньяка из этой бутылки, а бутылку я оставлю тебе – вдруг понадобится для государственных дел, а?

И он опять захохотал, ибо чувство свободы и радость от скорой встречи с семьей вытеснили из головы пирата Билли и мысли о шхуне, и все остальные мысли, которые он, «по вахте», оставил в распоряжение Константина.

Ночь. Непроглядная, как черноморские глубины... Самое подходящее время для сна, но не спалось Константину на первых порах. Не спалось от мыслей, скопившихся за последние месяцы бездомной жизни и доставших именно теперь, когда, наконец, удалось покинуть полустанок бабки Павлины и забраться в «поезд». Он был не тем скорым, что вез его по России в эти края, а был, скорее, «телятником», ползущим от разъезда к разъезду, но худо-бедно влекущим его куда-то.

А в том настоящем поезде он всё время пути провел у окна, смотрел, как мелькала мимо огромная Родина, большая, как жизнь, какой она кажется в детстве; мелькала, являя ему свои разнообразные обличья, а в память врезалось одно, одна незабываемая картина – по крыши заросшая бурьяном заброшенная деревушка, приткнувшаяся к насыпи, и тощий – кожа да кости – одинокий пес у крайней полусгнившей избы. Как ни коротко было мгновение, на которое встретились их глаза, но показалось Константину, что в миг тот между ним и собакой возникло взаимопонимание – ощущение братства и одинаковости судеб: собачьей у человека и ненужности человеку у собаки, для которой человек – ВСЁ!

И вот он на шхуне. Нужен он ей? Да. На какое-то время, как и она ему. В эту минуту она для него тоже ВСЁ. Потому что она – и кров, и пища. Это лишь в книгах да кинофильмах

герои, срываясь с места, путешествуют без помех, едут, куда им заблагорассудится, и в самой закрытой зоне сразу находят работу, квартиру и прописку. И участковый не треплет им нервы, требуя «покинуть в двадцать четыре часа за несоблюдение паспортного режима», и любимая женщина падает им на шею, умоляя понять и простить, и всё-то у них сбывается «через тернии – к звездам», а тернии те – тьфу! Не терновый венок Христа. А для обывателя проклятый штамп в паспорте – что гиря на ноге каторжника, что клеймо раба, тавро на шкуре скотины! Еще неизвестно, чем обернется отсутствие штампа для экс-капитана Старыгина, беглого раба советской паспортной системы, решившего укрыться «и от всевидящего ока, и от всеслышащих ушей» закона возле теплого моря, где эти законы особенно свирепы.

Поэтому тощий пес и посещал его по ночам. Он был воплощением его мыслей, и когда становилось тошно от собачьего взгляда, шел Константин на палубу, сосал леденцы, сутулясь у борта и вперяя в темень невидящий взгляд, думал о близкой зиме, о продаже шхуны, которая прервет его хрупкое благоденствие, когда обязательно будет лить и сыпать с неба, а ему, возможно, придется перебраться на вокзал.

Да, с некоторых пор Константин вздрагивал, встречая милиционера. Он называл свой испуг «синдромом социалистического воспитания», а свой отъезд из города, в котором преподавал навигацию, объяснял желанием избавиться от проклятого «синдрома». Он привык к институту, где ему обещали комнату, но избавиться ему хотелось не от него – от случайных встреч с Алевтиной, предавшей его. Прожив с ней два года, те годы, в которые он был ей нужен, помогая своей зарплатой жить, учиться и получить диплом, он не думал, что однажды окажется перед запертой дверью и своим чемоданом, выброшенным из ее квартиры. Тогда он прозрел и понял, что, в сущности, бежал из плена. И черт с ней, с тихой гаванью, в которой прозябал после того, как расстался с морем. Жаль было вечерних бесед с Игнатичем в кабинете навигации. Да, с ним расставаться не хотелось. Игнатич не был моряком, но был он знающим штурманом, пришедшим в институт из авиации. Как старший лаборант, он был незаменим на кафедре. Сколько придумал он и собрал своими руками великолепных тренажеров и для реки, и для моря, сколько вычертил схем, как умел поддержать разговор, выручить в трудную минуту! Теперь всё позади. И окончательно позади. Впереди свобода... нас встретит радостно у входа, но кто из братьев подаст руку помощи? Пока что нашелся один – славный Билли Бонс!

Славный-то славный, думал Константин, но – только искра, мелькнувшая в ночи. И вглядываясь в холодную россыпь звезд, повисшую над мачтами, он ощущал тяжкое бремя одиночества. Не прежнего, не раз испытанного и привычного, а нынешнего, когда мерещится всякая чертовщина. Когда слышатся скрипы и шорохи, будто далекое бормотание... Загадочный шепот душ – хотя бы тех двоих, погибших в заливе близ кубинского островка, на котором им похоронен моряк с мексиканского парохода, погибший в те же дни страшного урагана... Прощальный шепот душ, словно замерзших на полпути, так и не пробившихся сквозь ледяной купол этих ночных небес...

Мальчонка назвал его Робинзоном, его мамаша повторила и, повторив, как бы утвердила его в этом звании, и он, действительно, Робинзон, добравшийся-таки до клочка тверди, однако готовый, быть может, завтра снова исчезнуть среди хлябей... Константин спускался к себе и ложился на жесткое ложе, думая всё о том же и полагая, что всё это – только реакция на миг удачи, после которой неудачник плачет, кляня свою судьбу.

Далекое шорохи, скрипы и шепот...

«Дядя – вы Робинзон...» – шепчет мальчик по имени Коська. Мальчик как мальчик, но – Коська! Для него это имя значило слишком много. Оно было родовым именем Старыгиных и паролем в детство. Мама называла его Коськой, так же обращался к нему отец, а к отцу – его отец, дед Константина, а к деду – прадед, а к прадеду, по словам отца, прапрадед. Имя уводило слишком далеко вглубь семейных преданий, и потому Константин невольно сжился с мыслью, что «Коська» принадлежит только их фамилии и больше не может принадлежать никому.

Забавно, что встреча на Греческом мысу произошла в тот же день, когда ему повезло со шхуной! Хорошее совпадение, и кто знает, возможно, они встретятся снова. Жаль, что я, кажется, нагрубил женщине, подумал, засыпая, Константин, да, жаль, но...

Он спал, и эта ночь была последней в цепи похожих, когда он тяготился собой и боялся собственных мыслей.

7

Генка-матрос явился на шхуну точно по графику, начертанному рукой боцмана с появлением новичка. Наверное, Проня хотел пустить ему в глаза пыль своего административного рвення. Но экс-капитан только улыбнулся своей догадке и ничего не сказал. Он уже привык к важности, которую Проня время от времени напускал на себя, привык к Генке-матросу, большому любителю «потрепаться в свободное ото сна время», привык к молчаливой отчужденности Саньки-механика и базарной крикливости его жены. Обычно в дни таких приступов они и маялись изжогой. Генка нравился Константину незлобивым характером, любовью к песням, песенкам и шуткам. А еще тем, что никогда не рассказывал о своих похождениях и любовных победах. «Чтобы не оскорблять ваших чувств моим жизнерадостным цинизмом», – говорил матрос. Он обладал и «деловым цинизмом», когда подбрасывал обществу ту или иную идею. Именно в этот день, когда Константин брился, а Генка-матрос, «прибыв для несения службы на вверенном Проне линкоре об одну пушку из цветмета, которую было бы недурственно загнать до продажи шхуны и коллективно пропить», допивал свой утренний чай, он громогласно «обнародовал» вариант с пропиской, который был предложен вниманию «бездомного гражданина Старыгина».

Вначале было слово. Нет, вначале была песня.

Константин добривал подбородок, а Генка-матрос, сполоснув рот остатками чая и даже побулькав им в гортани (хотя золотому горлу нужен не чай, а ром), взялся за гитару и запел, отчего Константин едва не порезался, но при этом всё же не чертыхнулся.

Далеко, далеко – за морями,
там, где царствует влажный муссон,
чудный остров, покрытый лесами,
ни за грош отхватил Робинзон.
Робинзон, по фамилии Крузо,
бросил дом и оставил семью,
чтоб сыскать своё счастье за морем,
оснастил парусами ладью.

– Константин-тиныч... – Генка отложил гитару. – Как ваши успехи на житейском фронте? Я имею в виду прописку, о которой так долго твердили большевики и которую, увы, нам, несчастным, воплотили в нашей славной действительности.

– Нет успехов, Гена, – Константин сунул бритву в футляр и вытер лицо полотенцем. – Никак, Гена, совсем нет успехов на этом житейском фронте. Трижды ходил в поселок, стучался во многие двери и везде получил отказ.

– Да-а... здесь властвуют над душами мелкособственнические инстинкты, и боюсь, тут вам ничего не обломится.

– И я прихожу к такому же выводу, однако, еще есть дома, в которые не стучал. Время есть – попробую.

– Попробуйте, а я попробую стукнуть на Южном берегу, где я прописан в киношной общаге. Живет там одна зазноба в высоком терему и при высокой должности, а я, хотя и не давал повода, тем более несбыточных обещаний, всё еще властитель ее низменных инстинктов и матримониальных помыслов. Попробую в ближайшем будущем прижать ее соответствующим местом к соответствующему месту моего брэнного тела, обласкать и намекнуть на безоговорочную капитуляцию моей крепости, если она тиснет бакшишем в вашем паспорте.

Константин онемел: неужели возможно такое?!

– А как же... капитуляция? – вымолвил наконец.
– Что вы знаете о Галейране? О братьях-иезуитах?
– Кое-что знаю. Когда-то мечтал стать историком. Почитывал литературу.
– Приятно встретить родственную душу. Признаюсь, что и я не слишком чисто плотен, как сей дипломат, когда добиваюсь определенных целей. Вернее, когда у меня нет другого выбора, но, зная вас так, как я узнал вас за эти дни, обещаю, что постараюсь обойтись малой кровью. К тому же, у меня нет полной уверенности в успехе.

И Генка-матрос снова потянулся за гитарой.

Дикий остров, избушка над морем
с огоньком, словно искрой в ночи.
И на вост, и на запад – только волны,
И на север, и на юг – ни души.
Так и жил с попугаем и псиной,
слушал вечность под всхлипы дождя,
но однажды, в лихой понедельник,
Робин Крузо... скатился с ума.

Константин аж поёжился, как от слишком прозрачного намека на то, о чем Генка-матрос знает, конечно, не мог. Да уж больно песня его была созвучна с ночными мыслями, с тем, как были они связаны с мальчиком, назвавшим его Робинзоном, и... Э, что там крутить хвостом! И с той женщиной, которая тоже посчитала его Робинзоном. И пусть сам он приклеил к себе это прозвище, но какая разница?!

– А где наши геноссе? – спросил Генка. – Которые кормильцы. Больно уж скуден нынешний завтрак.

– Еще не появлялись. Я чайник вскипятил, а Проня выдал кое-какие харчишки и подался в город. А ты, вижу, оголодал в своих прериях и притомился?

– «Притомился» – не то слово, – вздохнул Генка. – Чертовски устал, как говорил Ильич подлецу Троцкому, возвратившись с конгресса тред-юнионов.

– Ты бы поумерил свой пыл, – посоветовал Константин. – Петр Петрович говорил мне, что ты в своих прериях – чистый мустанг по части диких кобылиц.

– Константин-тиныч, я вынужден, во избежание гнусных инсинуаций, которые, как я вижу, сгущаются вокруг моего доброго имени, поведать вам правду и только правду о прериях, где уже не в чести гордые мустанги и где кобылицы давно покрыты заезжими нуворишами и партийными бонзами. Простой ковбой вроде меня вынужден довольствоваться глупыми телками, которых к тому же я должен, как говорил один литгерой, кормить, поить и воспитывать.

– При твоих-то деньгах?

– Вот именно! – воскликнул Генка-матрос, снова хватая гитару. – И потому вопрошаю вас и мировую общественность: кто может выдержать подобные скачки при таких харчах? Клянись шпорами и уздечкой, что успехи в родео прямо пропорциональны количеству жратвы, помноженному на качество и калорийность проглоченного.

– А ты бы установил нужную пропорцию между кобеляжем и питанием, – сказал Константин, который в это утро ограничивался одними советами.

– Бесплезно! – ухмыльнулся ковбой. – Здешние телки – особая формация. Результат не селекции, но деградации. Я не углублялся в эту проблему, но склонен думать, что здешняя популяция практически не имеет мозгов и, значит, даже параллельных извилин, которые могли бы когда-нибудь пересечься в бесконечности.

– Ты и сам, как я погляжу, результат деградации.

– О, нет! – запротестовал Генка. – Скажу, как матрос матросу, что больше всего люблю интеллигентный разговор на умные темы, беседы за чашкой этого... чая, но посудите сами, с кем и о чем мне беседовать на шхуне?! Проня прост и бесхитроsten. С ним можно – в разведку, но дебаты о мироздании разводить бесполезно. У Варьки-Саньки вместо мозгов – рудиментарный придаток для осуществления естественных функций и неестественных по величине потребностей к стяжательству. А бывает, вот как теперь, уж так хочется излить душу, высказать сокровенное! Но приходится метать бисер перед свиньями, которые не изволили даже появиться к сроку, чтобы накормить настоящую рабочую лошадку.

И он ударил по струнам.

Да, ребята, поехала крыша,
Ведь не Пятница нужен ему.
Ему б бабу, что бросил за морем,
Ему б деток в его конуру.
И теперь Робинзону не светит
То, что за морем бросил шутя.
Он грызёт кукурузный початок
И о прошлом мечтает, скорбя.

– Гена, но есть же у тебя какая-то мечта? – спросил Константин. – Настоящая. Ты молодой парень, в голове у тебя не параллельные извилины, а, судя по всему, нормальные мозги. Ведь такая жизнь не может продолжаться вечно.

– Увы, ничто не вечно под луной, – скривился Генка-матрос, но снова всё обратил в шутку. – А что до мечты... Моя мечта надменна и проста: схватить весло, поставить ногу в стремя и обмануть медлительное время, всегда лобзая новые уста. Вот истина, провозглашенная великим поэтом, которого зазря шлепнуло политбюро на заре своей кровавой юности.

– Ты учился, почему бросил – не спрашиваю, ты, говорят, сочиняешь стихи. Кстати, эта, про Робинзона, ведь тоже твоя? – спросил Константин. – А по какому поводу?

– Как отсняли фильму про Робинзона, так и повод возник. Киношники затеяли капустник с выпивоном, ну я и расстарался, внёс, значит, свою лепту. Не видели фильм? Там и Проня мелькает, и механик. Санька бесподобен в массовых сценах.

– Откуда ж массовки на необитаемом острове?

– Адмирал, вы наивней ребенка! С чего начинается родина, всем известно, а чем кончается? Толпой. И фильм наш – тоже. А на острове, вспомните, появляется толпа людоедов. И Санька в этой роли был просто бесподобен! Представьте, выскакивает он с дубинкой в лапах, в ушах и в ноздрях медные кольца, на шее ожерелье из черепов, что-то верещит по-самурайски, вращает гляделками и скалится, скалится. Незабываемая картина! Лучший эпизод! Ради его одного стоило бы состряпать ленту! Я тогда в съемках не участвовал, но если бы предложили сыграть Робинзона, я бы не отказался, хотя бы ради того, чтобы всадить пулю из фузеи в его пустотелый лобешник.

Он положил гитару на стол и потянулся с хрустом суставов.

– А, слышите? Кажись, супруги-людоеды пожаловали! Скребутся у помойки. Абсолютно неинтеллигентные людоеды. Каждая встреча с ними вызывает во мне унутренний протест, пессимизм и скепсис. А еще мысль о несовершенстве человеческого рода, – пожаловался Генка. – Позвольте, товарищ вахтенный сторож, избежать встречи с ними, забиться в щель и забиться глубоким сном могилы, потому как вне ее я зверь, рыкающий и алчущий их поганой крови.

– Валяй, – позволил Константин и поднялся наверх, чтобы на правах «вахтенного сторожа» встретить «людоедов».

Варвара уже гремела на камбузе кастрюлями. А если обед она будет готовить на судне, не в домике, значит сварганит изжогу, подумал Константин. Когда – на камбузе, всегда не в настроении, и день будет обязательно испорчен. Генке хорошо, Генка – в «могиле». Единственный громоотвод – это Проня, но он отсутствует, и все громы-молнии достанутся Константину.

Он спустился в кубрик, сложил в тазик посуду и, дождавшись, когда повариха сошла на причал, унес тазик на камбуз, а сам поднялся на четвердек и укрылся за штурвалом, чтобы оттянуть встречу с неприятностями.

Сейчас его не грело даже Генкино обещание помочь с пропиской. Эйфория прошла. Он уже не верил в такую возможность. Давно известно, куда ведет дорога, вымощенная благими людскими намерениями! А Генка-матрос, похоже, действительно трепло и болтун. Какие монологи он только что закатывал! Прямо фрески какие-то, монументальная живопись! Конечно, его красноречие – это залог успеха как обольстителя, который способен добиться штампа, но лучше надеяться на себя и продолжать поиски своими силами.

Размышляя, он наблюдал за причалом.

Стоило подумать и о «людоедах». До сих пор ему удавалось поддерживать нейтралитет. К счастью, крупных стычек пока не случалось. Так, бои местного значения, которым не стоило придавать значения, но приходилось постоянно быть настороже. Поэтому, когда Варвара сошла на причал и зыркнула в его сторону («Обнаружила тазик с грязной посудой», – отметил Константин), он помахал ей рукой, давая знать о своем присутствии на посту. И Саньке сделал ручкой. Этот вышел на крыльцо с какими-то железками и принялся стучать по ним молотком. С высоты насеста углядел и Ваську Дробота. При Константине парень впервые появился близ шхуны. Присел на крыльце возле механика, закурил и о чем-то повел беседу.

Константин спустился на палубу, зачерпнул пожарным ведром из-за борта воды и принялся возить шваброй по доскам, хотя приборку сделал еще ранним утром. Не хотелось стоять и глазеть на этого оболтуса, но хотелось быть рядом со сходней, если тому вздумается пройти на шхуну. Вообще-то он не знал, как поступить, если тот поднимется на борт с механиком или поварихой: пускать или не пускать, вот в чем вопрос.

На месте он оказался вовремя. Механик и Васька уже сходили на палубу.

– Знакомся, Костя, это наш ближний сосед Вася Дробот. Иногда захаживает к нам, так что имей в виду, – отрекомендовал оболтуса Санька.

– Как же, как же! Уже знакомы. Никак товариш Дрын? – усмехнулся Константин и встретил презрительный взгляд «ближнего соседа».

– Когда ж вы успели?! – удивился механик. – А, какая разница! Можешь сгонять с ним в шахматы. Не Карпов, но играет будь спок!

– Как-нибудь в другой раз. Сейчас я на вахте.

– Да какая там вахта! Смеешься, что ли?

– А то сыграем партию, дядя? – ухмыльнулся Дрын и одернул курточку с медной блямбой у лацкана, на которой в лавровом веночке темнели готические буквы SS и сдвоенные эсэсовские молнии. – Я б тебе запросто вльндил мат в два хода.

– Поварихе вльнди, если она тоже шахматистка, – посоветовал Константин, чем обидел Саньку-механика, превратно понявшего его совет.

– Ты говори-говори, да не заговаривайся! – огрызнулся тот. – Думай, что говоришь, сорокот облезлый!

– Вам, Александр, надо бы тоже выбирать выражения, чтобы не схлопотать в другой раз по физиономии, – сквозь зубы ответил Константин, чувствуя, как трепыхнулось сердце. – А ведь я употребил выражение вашего юного друга, только и всего.

– Ты чо, ты чо?! – надвинулся Дрын.

– Через плечо!

– Ты чо, забыл, чо я тебе на катере сказал?!

– Я помню, но и ты, гроза подворотен, помни, что тебе мужики посоветовали: не позорь фамилию Дроботов, – сказал как можно спокойнее и считая разрозненные удары в груди.

Как вовремя появился Проня, и как он быстро понял, что здесь что-то не так, что здесь происходит что-то неладное. Он пихнул Ваську в бок: вали отсюда, Саньке-механику тоже посоветовал заняться делом, а Константина увел в кубрик, где и расспросил о «пограничном конфликте».

– Константиныч, одно тебе скажу: не связывайся с Дрыном. Подонки он, и подонки подлый, – предостерег боцман, удививший новобранца, как быстро и легко удалось миниатюрному «купидону» прекратить почти готовую дуэль.

– А подонки бывают и не подлыми? – усмехнулся Константин, решив не напоминать, что сам же боцман прочил Дрына в матросы.

– Бывают, – кивнул Проня. – Когда делают подлость своими руками. А когда чужими, они еще и подлые. Натравит Васька своих огольцов, а после придет сюда и скажет, что я не я, и лошадь не моя.

– Спасибо за разъяснение...

– Чего там! Я и сам его не перевариваю, но терплю. Да он меня и не задевает. Я мал, да удал! Он к ЭТИМ ходит, только с ними и якшается. Вроде и придраться не к чему.

– А капитан что?

– Два раза гнал в шею, так что при нем он не показывается.

– Что ж, ладненько... – вздохнул Константин, которому вдруг захотелось хотя бы на час, на два уйти со шхуны. – Проня, ты куда-нибудь еще собираешься сегодня? – спросил он.

– Нет, а что?

– Побудь за меня пару часов. Пройдусь за реку – нервы успокою.

– Ну и пройдишь, мне все равно делать нечего. Ты в подземный монастырь загляни. Там, правда, порядочно загажено, но все равно интересно. И выход наверх есть, к древней крепости.

– Ну, так я пошел.

– Возвращайся к обеду. Васька жрать мастак, а Варька его обязательно пригласит.

– Постараюсь, но не обещаю.

8

Обедать в обществе Дрына? Еще чего! И Константин не спешил.

Пока добрался до входа в монастырские галереи, прорубленные в основании скалы, но постепенно забиравшие выше и выше, солнце насквозь прокалило его. Под сводами песчаника было прохладно, свет попадал сюда из немногих отверстий, но в достаточном количестве, чтобы разглядеть многочисленные надписи грамотеев, мусор и людские испражнения по углам комнат извилистой анфилады, которая привела его, наконец, к лестнице. У первой ступени имелось отверстие в тонкой в этом месте стене, над верхними голубело небо. Он поднялся к нему и оказался на задах двух башен древнейшего каменного сооружения, бывшего некогда крепостью.

В щербатых проломах синело далекое море, а сами башни, похожие на скукоженные осинные гнезда, да легкий абрис каменных груд, обозначенный еще и заросшими рвами, обегавшими периметр этой некогда грозной цитадели, давали пищу только богатому воображению, пожелавшему восстановить, как всё это выглядело когда-то, во времена сарматов и скифов, а может, татарских ханов. Кажется, они и поставили над обрывом этот грозный форпост.

Всё, что находилось внутри стен, исчезло. Теперь это было поляной с несколькими могилами, которые угадывались по каменным покосившимся плитам с остатками арабской вязи.

Могила у северного рва была современной. Табличка гласила, что здесь похоронен пулеметчик, до последней минуты прикрывавший отход мирных жителей из долины к городу, когда к нему рвались солдаты Манштейна. Засохшие цветы и несколько мятых позеленевших гильз, набитых землей, лежали на земляном холмике.

Константин присел рядом.

В траве сновали кузнечики, шуршали ящерицы. Одна, серенькая, выструилась на солнце и замерла возле руки, задрав голову. Ящерка дышала часто-часто, словно от большого волнения, и, задрав мордочку, смотрела на человека, сухая кожица пульсировала ниже подбородка, будто от ударов крошечного сердца, а глаза-бисеринки были по-старушечьи скорбны и в то же время насмешливы. Стоило ему сжать пальцы, как ящерка исчезла – ртуть! Тогда он лёг на спину и закрыл глаза.

Травинки кололи ухо, а возле него настраивал скрипку кузнечик. Ветерок, чуть слышно бормотавший о том, что лето идет к концу, коснулся горячего лба. Словно приласкал рукою отца, погибшего где-то в этих местах, а может, в самом городе или у Греческого мыса, а то и у дальнего, которым на западе заканчивался полуостров, и где погибли тысячи последних защитников русской твердыни, прижатые к морю, брошенные на произвол судьбы...

Мысли бежали по кругу и, возвращаясь вспять, невольно обращались к безвестным солдатам и матросам-черноморцам, чьи жизни оборвались на этой земле, прах которых взрастил эти травы, блеклые мелкие цветочки и неприхотливые одуванчики, создавшие для него, Константина, этот обычный и в чем-то неповторимый день.

Итак, подведем итоги... Что мы имеем на сегодня? Робинзона на обитаемом острове, сиречь на шхуне, замершей в устоявшемся болоте ожидания богатых купцов. Далее: имеем Проню, Генку-матроса с его обещанием помочь Робинзону и парочку людоедов, которые с появлением главного каннибала Дрына будут настроены испортить Робинзону спокойное течение жизни, ибо такова пошлейшая «селяви», что никакая бочка мёда не обходится без ложки дёгтя. Это дано, и от этого не отвертись, значит надо стоять насмерть, стоять на своем, если не хочешь очутиться в дёгте и, как говорили когда-то, «потерять лицо». Так и запишем в итоге. Успокоился, аритмия исчезла? Вроде. Тогда вставай, подымайся, шагай восвояси.

Константин вернулся к ветхим коконам башен. Едва темнел далекий горизонт, придавленный словно бы дымным небом. Выше дымные полосы тончали, переходили в голубизну,

уже процеженную там, где она начала очищаться и набирать силу, чтобы обрести в зените звонкую синеву. За складками мысов угадывался город, а под скалой, на мутно-желтом стекле речушки замерла, будто рыбачий раскрашенный поплавок, шхуна – его твердыня на ближайшие месяцы, месяц, а то и дни. Значит, надо день простоять да ночь продержаться, а уж финал, каким бы он ни оказался, встретить во всеоружии.

Ни Дрына, ни супружеской пары он уже не застал. Поел прямо на камбузе, развлекаемый Проней, торчавшим в дверях. Генка-матрос поднялся лишь к ужину, поскреб по кастрюлям и, не найдя ничего существенного, как и все остальные, ограничился чаем и хлебом с маслом.

– Такова логика кухонной борьбы, – уныло констатировал он, – и нашествие самого прожорливого таракана в нашей округе.

– Я тебя поднимал к обеду, а ты меня послал! – упрекнул его боцман. – Но Варьке я наказал оставить расход на двоих.

– Там и на одного не было, если б я знал... – завиноватился Константин.

– Тут и знать нечего, – ответил Генка. – Проня, давай ключ от гостиницы. Я намерен экспроприировать экспроприаторов в их собственной берлоге. Такова логика унутренней борьбы. И если она началась, началась она не по нашей вине, а раз не по нашей, то и мы вправе залезть в закрома, а завтра предъявить этим камбузным крысам морской протест.

– Только их собственный харч не трогай, – сказал боцман, доставая ключ.

– Личная собственность неприкосновенна и охраняется законом! – торжественно провозгласил Генка. – А что касается продрозвёрстки, оставим ее военному коммунизму и историческому материализму. Когда я служил под знамёнами герцога Кумберлендского, даже в ту пору я не покушался на чужую курицу или поросенка, я...

– Пи... травить будешь на Волге, там пресная вода, – оборвал его боцман. – Кто хочет жрать, ты или я?

И Генка отправился пошарить в холодильнике, принадлежавшем экипажу.

Утром Генка-матрос поднялся даже раньше Константина, вскипятил чай и, поджидая Варвару, устроил засаду на камбузе. Проня накануне уехал к себе на Южный берег, так что супруги были встречены, как сказал тот же Генка, «огнём двух орудий». Правда, «орудие» Константина молчало. Инициатива встречи принадлежала Генке, он и встретил Варвару с постным лицом библейского проповедника.

– И я взглянул, и вот механик блед, за ним повариха, имя которой смерть, и дана ей власть умерщвлять нас голодом и уполовником, и мором, и страстями земными. Аминь! – провозгласил он елеинным голосом, но «аминь» рявкнул так, что повариха присела, а Санька, замерший за ее спиной, разинул рот.

– Ты чо... Ты чо, Генка? – заюлила Варвара.

– Через плечо! Вчера даже ужина не приготовила – смылась!

– На ужин полагаются остатки от обеда, – заступился за жену механик.

– А от обеда ничего не осталось! Дрын всё подмёл, а Дрын ваш персональный гость. Могли бы угостить бандита из собственных запасов.

– А ты спи больше! – перешла повариха в наступление, оправившись от испуга.

– Не учите меня ж-жшшить! – прошипел Генка. – Когда я служил под знамёнами герцога Кумберлендского, мы таких поварих сажали в мешок и отправляли за борт!

– Ты чего расшумелся, говнюк?! – Санька-механик окончательно пришел в себя и бросился в атаку. – Мы хоть как-то работаем, но работаем, а ты на шхуну приходишь только жрать и спать! И еще строишь из себя невидаль кого!

– Хватит вам цапать, – вмешался Константин. – А вы, Варвара, если «хоть как-то работаете», то готовьте завтрак. Вот и боцман пожаловал. Его тоже надо кормить.

Но повариха уже пошла вразнос.

– А ты кто таков, чтобы мне указывать?! – завопила, специально коверкая слова. – Ишь, фон-барон! Кость бездомная! Да я НАРОДНЫХ кормила! Мне Андреев Борис спасибочки говорил! Я не ухты-бухты, я самому Симонову подавала на стол!

– Народных кормила, а народ, значит, не желаешь? – подлил масла в огонь Генка-матрос. – Как погляжу, мадам, народу вы способны только гадить.

– Народ?! Где народ?! – завопрошала Варвара, крутя головой. – Ты – народ? Или этот? – её взгляд упёрся в Константина. – На этого народа я завтра в милицию заявлю: без прописки гуляет! Или этот прыщ – народ? – и ткнула пальцем чуть ли не в глаз боцману.

– А ты – гнида вонючая! – парировал Проня ее эскападу.

– Кто-я-ктоя-кто-о? – заверещал повариха, припадая к плечу мужа.

– Гнида-ааа-а! – пропел боцман. – Вонюч-чая-яя-я!

Санька-механик ринулся к нему, но Константин и Генка-матрос разом загородили Проню. Механик отступил, повариха, взрыдав, убралась на камбуз, а муж поспешил за ней успокаивать и утешать.

Проня устроил в кают-компании военный совет.

– Ну, Константиныч, что скажешь? – обратился он к старшему по возрасту.

– Что я скажу... И сказать-то нечего. Главное, по-моему, не обострять отношений, и ты, Геннадий, мог бы попридержать язык. Нас пятеро на шхуне, а если перегрыземся...

– Они нам первым горло перегрызут, если отпора не давать, – не согласился Генка.

– И откуда она узнала, что ты, Константиныч, без прописки? – спросил Проня.

– Наверно, за дверью подслушивала в самый первый день, когда я с капитаном общался, – предположил Константин. – Он расспрашивал, а я, видимо, упомянул об этом.

– При кэпе, небось, язык не распускала! – озлобился Проня. – Да и что теперь об этом толковать. Но всё равно предпринять что-то надо.

Генка-матрос ушел за мачту и выволок оттуда четыре загремевших мешка.

– Вот – всю тару собрал, чтобы «предпринять что надо». Щас на тележку и – в поселок. Считаю, четыре бутылки уже в кармане, – сообщил он. – Тяпнем и что надо придумаем.

– Да, мужики, мне капитан домой звонил, – вспомнил Проня. – Спросил, как у нас дела, как ты, Константиныч, привыкаешь. И еще сказал, что был уже в пароходстве и на днях снова едет в Новороссийск, где ему вроде бы пароход пообещали.

– Везет же людям! – вздохнул Генка. – А тут хоть пропади! Всякая баба третирует самого умного человек на всем полуострове. О вас, почтеннейший, – он поклонился Константину, – не говорю. Возможно, самый умный – это вы.

– Я еще себя покажу! – засмеялся Константин. – Да хоть прямо сейчас: почему бы нам не заняться большой мокрой приборкой?

– Когда я служил под знамёнами герцога Кумберлендского...

– То вы приборкой вообще не занимались? – догадался Константин.

– Ты же вчера палубу лопатил! – проворчал боцман.

– Я верхнюю грязь размазал, а надо всерьез с ней разобраться, – пояснил Константин. – И это будет поводом для Варвары заняться тем же на камбузе. Он тоже зарос копотью.

– Вот и начинайте! – заторопился Генка. – Закончите, а тут и я! Сразу устроим банкет, поднимем тост за мир, за чистоту, а потом, – он подмигнул Константину, – я отчалю в общагу, чтобы обнять любимую и произведу в тылах ее глубокую разведку.

– Разведку чего? – не понял Проня.

– Прописку ему разведать, – сообщил Генка. – Кстати, господин боцман, вы бы тоже могли поговорить со своей маман. Вдруг, если у меня не получится, она к себе пропишет Константин-тиныча. Жить он у вас не будет. Ведь не будешь же?

– Нет, конечно.

– Ну вот, а с пропиской он угол найдет обязательно. Мы поможем.

Проня, хотя и согласился поговорить с матерью, однако высказал сомнение, что она пойдет на это. И хибара мала, и живёт в ней порядочно народу. Без милиции не обойдешься, а мамаша с ментами «не водится».

– Ладно, разберемся, – сказал Генка и поволок мешки на причал. – Мне еще за тележкой надо сбегать на железку.

На причале, едва зазвенели бутылки, появились те же «конкуренты». Повариха потребовала своей доли, сказав, что стеклотара осталась от артистов и, выходит, она общая.

– И вообще, как жрать, так ко мне, да еще с обидами, а как чо делить, нам с Санькой шиш, – пожаловалась она.

– Ладно, вам две бутылки, а две нам, – Проня пошел на мировую. – А если по носам делить, то нам три полагается.

– Вот и давайте на третью скинемся хором, – предложил Генка-матрос. – Каждый внесет долю, и – без обид.

– Не надо третью, – сказал Константин. – У меня совсем нет денег, а потом, я не употребляю спиртного...

– Совсем?! – удивилась Варвара.

– Чуть-чуть выпиваю, – улыбнулся Константин, – но мои «чуть-чуть» уместятся в одной стопке, да и то, как сказал Геннадий, ради мира и чистоты во всем мире.

– Пусть с обедом расстарается, – не успокоился Генка, – а то неизвестно, чем накормит. Такую отраву сунет, что никакой водки не хватит, чтобы прополоскать прямую кишку. Все будут кривыми, как лабиринт Минотавра.

– Иди, иди! Потрудишься, работяга, – очень даже миролюбиво послала его повариха. – А за кишку не беспокойся. Она у тебя всё равно с прямым выходом наружу. В ей никакое минетавро не застрянет – сразу и вывалится!

Генка-матрос ухмыльнулся и отправился за тележкой к соседям-железнодорожникам.

9

Константин решил принять «чуть-чуть» ради эксперимента. Хотелось окончательно убедиться, действительно ли супруги такие уж куркули и «людоеды» или действуют из каких-то своих принципов и соображений. Быть может, просто назло Генке и Проне, протестуя тем самым против каких-то настоящих ущемлений их интересов, а то и просто дразнилок, до которых охоч Генка-матрос. Да и «соратники» его раскроются по-настоящему за выпивкой.

Боцману приборка «не светила». Так он сказал, а Константин ничего не ответил на это. Он, по крайней мере, как ему казалось, раскусил парня: бесхитростен и отходчив. Попросил у него мыла, ветошь и щетку, да и принялся мыть замызганную фор-рубку. Боцман посмотрел на него, потоптался, да и принялся помогать, а потом увлекся. Вдвоем они быстро управились и с ней, и с палубой. Варвара тоже вычистила камбуз, одновременно готовя обед. Она восприняла просьбу боцмана, именно просьбу, а не приказ, спокойно и без лишних слов принялась за дело. Очевидно, супруги тоже провели свой «военный совет» и решили воздержаться от ссор на хотя бы какое-то время. Так это воспринял Константин.

Когда палубу скатили и пролопатили, Константин предложил привести в порядок снасти: распутать лопари брасов и фалов и, конечно, скойлав, подвесить все ходовые концы на кофель-нагели.

– А ты, Константиныч, разве что-то волокёшь в этом деле? – удивился Проня.

– Когда-то, курсантом, я дважды был практикантом на баркентине, – ответил Константин. Он не стал говорить, что был даже капитаном на одной из них. – А после училища, Проня, несколько лет работал старпомом, в Атлантику ходил под парусами, в Африку заглядывал и еще кое-куда. Так что, сам видишь, немного «волоку». И снасти, само собой, знать обязан.

– И молчал! Это же совсем другой разговор! – оживился боцман. – Я-то думал, лопух Константиныч, лопух! А это же совсем другое дело!

– Почему «другое»? Одно оно – наше, морское.

– Ну, не скажи! У нас, думаешь, не было штурманцов да старпомов? Все мореходы, а в парусах – ни бум-бум. Из-за съемок кинулись на шхуну, кончилось кино – первыми сбежали.

– Пословица есть: пока в саду были абрикосы, все время слышалось салям-алеюкум, кончились абрикосы, кончилось салям-алеюкум.

– Вот-вот! А ты к нам пришел, потому что ты парусник.

– Я пришел, потому что у меня ни кола, ни двора. От нужды. Но я вряд ли бы пришел, если б имел квартиру, комнату или угол с пропиской. На моря мне дороги закрыты.

– Эх, зря нашу шхуну продают – зла не хватает!

– То-то и оно, – согласился Константин. – Деньгами чиновник распоряжается, а в завтрашний день не заглядывает. Ему легче продать, развязаться с лишней обузой, чем добыть средств на содержание судна.

Некоторое время они работали молча. Чтобы привести в порядок скрученные в жгут многоходовые тали брасов и фалов, приходились даже отдавать нижние блоки тех снастей, что не имели вертлюгов. Но когда с этим было покончено, когда все концы были скойланы и повешены на кофель-нагели, Константин спросил у боцмана, почему «людоеды» так настроены против него и Генки? И дело не в утренней стычке. Он и раньше обращал на это внимание.

– Сейчас на шхуне два матроса и боцман, а до тебя – я и Генка. За недостающих мы получали обработку. Саньке это не нравилось: почему не включили в ведомость его и Варвару? Я ему предлагал стоять вахту за матроса – отказался. А дуться продолжают.

– Неужели они такие крохоборы? – подивился Константин. – Даже на пустые бутылки позарились. Ну, теперь понятно.

А тут и Генка пожаловал.

Он подмигнул им и погладил вздувшиеся карманы пиджака: дескать, всё в порядке! И сразу стукнул кулаком в дверь камбуза. Варвара приняла водку и расцвела. Даже сделала вид, что хочет расцеловать, но матрос отшатнулся и погрозил пальцем – не балуй, повариха!

Варвара на сей раз превзошла себя. Обед был великолепен. От таких блюд не отказался бы ни «сам Симонов», ни «Андреев Борис». А она и Санька отказались. Подали в кают-компанию миски-ложки, хлеб, кастрюли и подались со шхуны.

– Как пожрётё, уберите со стола, а посуду вымойте! – крикнула она в дверь. – На ужин вам должно хватить, да и Васьки нынче нету. А мы уходим – пьянствуйте!

И они начали.

Он не собирался поучать старожилов, тем более читать им морали. Достаточно и того, что ограничился половиной стопки «за знакомство», оставив вторую половину, чтобы допить ее позже «за шхуну». Однако Константин не покидал застолья и после. Хотелось посмотреть, каковы парни в состоянии подпития, чтобы знать, буде такое повторится, на что ему рассчитывать и как себя вести. По обстановке – да, но какой она будет, обстановка? И о Генке, и о Проне он имел поверхностное впечатление и пока благополучное, но водка – лакмус, который расставит точки над «и» и даст ответ на вопрос, кто есть кто и на что способен. Он не знал, сколько ему придется с ними прожить, но отпущенное время хотелось прожить без неожиданностей.

Сначала парни принялись за большую тему: что они будут делать, когда продадут шхуну. И хотя оба до сих пор утверждали, что всё ими уже давно решено, однако заноза давала себя знать и сейчас вылезла наружу. Впрочем, Проня только подтвердил свое прежнее решение – он подаст документы в «Югрыбу». Генка-матрос собирался вернуться к родителям в Керчь, но сейчас заявил, что будет поступать во ВГИК. Он-де примелькался корифеям, со многими знаком даже не шапочно, некоторые уже предлагали «провернуть» такой вариант, так почему бы не попробовать, почему бы не испытать судьбу?

Константин слушал, улыбался и немного завидовал их молодости, здоровью, тому, что всё у них впереди. Что бы они ни выбрали, всё может свершиться по их хотению. Он далеко не заглядывал, мечтая на первых порах о тихой гавани, в которой мог бы просто утвердиться хотя бы в человеческих и гражданских правах. Пока этого не будет, нет смысла думать о дальнейшем. В их беседу он встрял только раз, спросив Генку, не думал ли он завершить образование? Спросил только потому, что Генка учился на историческом факультете, о котором когда-то мечтал и он.

– С историей я расквитался, – ответил Генка. – Когда меня вышибли за несогласие с линией партии, я понял, что история – проститутка. Каждый норовит завалить ее в свою постель и употребить по своему усмотрению.

– Если «по своему усмотрению», можно не связываться с куртизанками, – заметил Константин. – Есть и достойные женщины.

– Есть, – согласился Генка, – но в наших условиях им всю жизнь суждено пребывать в старых девах, а мне, в этом случае, доживать свой век бобылем. Не позволят жениться на праведнице, ну а я не из тех, кто готов расшибить лоб, добиваясь позволения на брак.

– Не обязательно быть подпевалой...

– Дело не в этом, – снова не согласился матрос, – а в том... Что мы знаем о своей истории после семнадцатого? Ни хрена мы не знаем. Историю нам спустили сверху, предъявив не подлинные документы, а сфабрикованные фальшивки. Настоящие спрятаны, как смерть Кошеля: игла в яйце, яйцо в утке или щуке, а сундук вообще зарыт неизвестно где. И тогда я постарался забыть всё, что знал. В армии из моих извилин вышибли остатки исторического материализма, а на шхуне я самолично вытряс из башки последние крупички знаний, которые выработали человечество и наши вожди.

– А ты, Генка, взял бы да написал книжку о своих похождениях, – неожиданно предложил боцман. – Приврал бы, как твоя эта... история, а наш народ хлебом не корми, лишь бы ему лапшу с ушей теребить! Ты же нам, бывало, такие байки рассказывал, даже артисты слушали и головой качали. Мол, во даёт!

– Знаешь, коллега, была и такая мыслишка, – ответил Генка, разливая водку. – По пьяне пришла, но имей в виду, что водка иногда мысль вострит! Но пока то да сё, пока размышлял, как создать эпохальный роман или поэму величиной с кашалота, тема измельчала до размеров кильки. В общем, даже рассказа не получилось.

Они выпили и налили снова, а Генка продолжал, увлекшись, вещать.

– Да, камрады, романы пишут не человеки – вместилище тщеславия и пустопорожных мыслей, романы пишет жизнь, но ее страницы не всегда лицеприятны для действующих лиц. И ты, Константин-тиныч, попав в наш «текст», не откажись все-таки принять второй посошок. На третьем, клянусь, настаивать не будем! Прими за знакомство с нами, за будущее избавление от невзгод, за то, чтобы ты, человек с объемистым прошлым и вместительной биографией... нет, с объемистой биографией и вместительным прошлым, которые, верю, у тебя шхунной не закончились... Так о чем бишь я? Да, значит, тяпни с нами за всё вышесказанное и расскажи что-нибудь эдакое. Ну, про то хотя бы, кто больше матери-истории ценен?

– Как кто? – Константин выпил, отчего с отвычки слегка зашумело в голове. – Ленин, ленинцы и ленинская партия, страна, основанная Лениным и ленинцами, путь, проложенный ими. Ведь я, ребята, до сих пор коммунист. Правда, давно не платил членских взносов и, наверно, подлежу чистке, но билет у меня цел.

– Так выпьем за партию нашу великую, выпьем и снова нальем! – пропел Генка.

– Нет, – сказал раскрасневшийся Проня. – Выпьем за Константиныча!

– Пр-равильно! За него! – согласился Генка. – И пусть он расскажет, как он стал большевиком и что из этого вышло.

А почему бы и не рассказать, подумал Константин. Хотя бы для того, чтобы выплеснуть желчь, скопившуюся за годы и годы.

– Что ж, коли общество согласно послушать, тогда слушайте... И это без вранья, учтите. Я уже говорил Проне, что работал старпомом на учебном судне. Называлась баркентина «Эклиптика». Дело прошлое, и я, друзья, конечно же, расскажу вам лишь один эпизод из моих взаимоотношений с одним плохим большевиком.

10

– Для начала – небольшое вступление, – улыбнулся Константин. – Вы должны знать, что в нашей стране всякий командир производства, хочет он того или нет, обязан быть членом партии, иначе его просто не допустят к рулю. Мне тоже пришлось стать ее членом, и я, как и большинство мне подобных, начинал в комсомоле, вступив в него еще до мореходного училища, в школе.

– Членом клуба знаменитых капитанов можешь ты не быть, но коммунизма членом быть обязан, – кивнул Генка-матрос.

– И даже член клуба, обычных, даже заурядных капитанов, обязан быть членом и подчиняться уставу таких же заурядных членов, – поправил его Константин. – Морских баек я не буду рассказывать. О них и без того написано множество книжек, но Гена как-то упомянул об «историческом материализме», вот с него и начну.

...Когда Костя Старыгин был принят на судоводительское отделение мореходного училища, Степан Зозуля был третьекурсником того же отделения и уже тогда «горел» на комсомольской работе. Толкового штурмана из Степки не получилось, закончил училище как середнячок, но теперь продолжал «гореть» на партийном огне, желая в то же время отличиться на производстве по прямой специальности. Амбиций и планов у него всегда хватало. Ходил Зозуля сначала третьим помощником капитана, потом вторым и в этой должности, в тот год, когда Костя заканчивал училище, посадил свой тралец на мель. Из передряги он выкрутился и ушел в тень. Это он умел, а спустя какое-то время всплыл в базовом комитете партии, где, одновременно с партийным строительством, попутно закончил рыбвтуз. Со Старыгиным у него отношения не сложились еще в училище. Костя считал Степку бюрократам и формалистом, долбал его на собраниях, с этого и началась взаимная неприязнь, превратившаяся у Зозули в нелюбовь с примесью ненависти к более удачливому «молокососу».

Имея в руках кое-какие ниточки и рычаги, мелкопоместный партайгеноссе принялся умело и старательно воздвигать на пути Константина всяческие препоны, засеки и препятствия, добившись искомого результата. Штурману Старыгину надоело постоянно доказывать, что он не верблюд, поэтому, поразмыслив да пораскинув умом, он перебрался в Ригу, где его дела пошли гораздо лучше. Уже через пять лет стал он капитаном дальнего плавания. Получив орден «Знак Почета» за успехи в рыболовстве, а потом и трудовую медаль, он, неожиданно для всех и, порядочно всех же озадачив, перебрался в Балтийский отряд учебных судов на должность старпома баркентины «Эклиптика» и через два года стал ее капитаном.

В судьбе Степана Зозули к этому времени тоже произошли большие перемены. Сначала он был откомандирован в Анголу на береговую должность главного надзирателя за действиями судов его конторы и представителя базового комитета. Всё шло, как шло, пока Зозуля не проворовался на закупке и частичной перепродаже продуктов на нищенском рынке Луанды. Получив за них местные кванзы, менял их на доллары, доллары переправлял жене, которая отоваривала их в магазинах «Березка», продолжая операцию «валюта-товар-рубли». История наделала шума, но Степан и на этот раз вышел сухим из воды. Помогли старые связи. Ловко сманеврировав в очередной раз и снова побывав в нетях, он всплыл теперь... в учебном отряде. Сначала как методист, а потом в качестве помощника по учебной части капитана Старыгина на учебном судне «Эклиптика». Видимо, для того, чтобы на практике воплощать свои идеи, размноженные в виде многочисленных приложений к приказам главка и министерства рыбной промышленности.

Капитан Старыгин не сразу привык к тому, что человек, много лет домогавшийся его головы, сидит в кают-компаниях слева от него и держится так, словно они старые друзья, встретившиеся после долгой разлуки. Он предполагал, что Зозуля специально попросил направить

его к Старыгину, и кто его знает, какие при этом вынашивал планы. Константину Константиновичу было очень неприятно присутствие этого человека, но, стремясь держать его на расстоянии, он был с Зозулей ровен и корректен, поводов для домыслов и злословия не давал, хорошо понимая, что тот не преминет воспользоваться любой его оплошностью. Достаточно было и того, что старпом Старцев, знавший о Зозуле много «интимных подробностей», сразу невзлюбил помпоуча. И хотя он не выпячивал свою неприязнь и свое презрение «к этому болвану», но однажды пожаловал к капитану, держа в руках пухлую папку, озаглавленную как «Руководящие документы по организации и проведению плавательной практики на судах Балтийского отряда учебных судов», дабы разобраться в «этой писанине».

– Неужели мы потерпим этого писаку?! – рявкнул старпом, ткнув кулаком увесистый сборник «этой макулатуры». – Константин Константиныч, ты сам-то читал их?

– Нет, – ответил капитан. – Я руководствуюсь приказами министерства.

– Ты много потерял! – сразу развеселился старпом. – Тут есть перлы. Взять, к примеру, раздел «Пословицы и поговорки об экономии и бережливости». Нет, ты послушай! Я просто наслаждаюсь ими! Ну-с... Вот! «По плану работай, по плану расходуй». Или: «Государству сбережешь, себе пригодится». СЕБЕ! Понимаешь? Или вот: «От умелого рыбака польза делу велика», «Зернышко к зернышку – ворох, рыбка к рыбке – бункер».

– Похоже, что это плод его собственного творчества, – улыбнулся капитан.

– Конечно! – уверенно заявил старпом. – Писатель! Как и этот разделчик – «Люби работу всей душой». Слушай! «Сила рыбака не в словах, а в работе», «Хорошее имя в темноте светится». Видимо, как глаза у мартовского кота! «От лодыря и пьяницы рыба пятится». А ежели она солёненькая, у пивного ларька? – захохотал старпом.

– Интересно, как наши методисты сочиняют такое? – улыбнулся капитан.

– Методисты... – проворчал Старцев, завязывая папку. – Они, как декабристы, страшно далеки от народа, а наш Зозуля и того дальше – прохвост!

– Всё это так, Иван Федорович, но ты не трогай это дерьмо. В свое время он много мне крови попортил, – впервые признался капитан. – Это великий мастер подковёрных интриг. Он и тебе может испортить биографию.

– Пусть попробует! – мрачно заявил старпом и, закрыв глаза, процитировал на память: – «Есть рыбу не трудно, трудно поймать её». «У рыбака закон такой: люби работу всей душой!». Только Зозуле под силу сочинить, например, такое: «Дело чести быть в труде на первом месте!». Жлоб!

– Иван Федорович, не перегибай палку, прошу. Ты на учебном судне, а курсанты народ приметливый. Соображай!

– Есть. Буду. А сейчас пойду. «Разумный труд время бережет», сказано в этой папке. Взгляну, так ли это обстоит на практике.

Старпом внял совету капитана и, встречая помпоуча на палубе, воздерживался от шуток в его адрес, но в кают-компании, находясь, так сказать, в своем узком кругу, изводил Зозулю дискуссиями на темы, подсказанными «руководящими документами».

– Как вы думаете, Степан Петрович, следует трактовать девятый пункт первой главы, – начинал старпом, – главы... э, сколь помнится, регламентирующей «взаимоотношения между начальником и подчиненным»?

– И что вас в ней не устраивает? – брюзгливо спрашивал Зозуля, уже зная, что его ожидает очередной подвох.

– Там сказано, что «по своему служебному положению одни лица командно-преподавательского и курсантского состава по отношению другим могут быть начальником и подчиненным». Из чего следует, что «начальники имеют право отдавать подчиненным приказания и обязаны проверять их выполнение, Подчиненные должны беспрекословно подчиняться начальникам». Правильно?

– Да. И что из того? – следовал настороженный ответ.

– Из этого следует, что вчера, когда играли шлюпочную тревогу, вы снова не надели спасательный нагрудник и нагрубили мне за справедливое замечание. А вы, Степан Петрович, являетесь подчиненным по отношению ко мне, я же являюсь начальником по отношению к вам.

– И что же все-таки следует из этого? – злился помпуч под взглядами остальных «начальников и подчиненных».

– Нагрудник вы так и не надели, поэтому спрашиваю, как быть с формулой «беспрекословно подчиняться начальникам»? Ведь это же ваша епархия сочиняет подобные пункты и подпункты. Делать вам, бездельникам, нечего! – уже злился старпом, на что Зозуля отвечал довольно хладнокровно:

– «Пункты» спускает министерство, а я, согласно подпунктам, вам не подчинен.

– Степан Петрович прав, – вмешивался капитан. – Помощник по учебной части, согласно положению, относится к старшему комсоставу судна и подчиняется только капитану.

Заступничество капитана не обескураживало старпома.

– Да разве в этом дело?! – хитрил он. – Я же выясню в инструкциях самое темное и непонятное. К примеру, в главе третьей, трактующей общие положения об организационно-строевом отделе училищ, говорится, что оный отдел состоит из: начальника отдела, его заместителя, командиров учебных рот и капельмейстера. Объясните, пожалуйста, какова роль капельмейстера в учебном процессе? Нигде ничего не сказано – темная вода.

– Да какое вам дело до училищ? – торжествовал Зозуля. – Вы, старпом, верхогляд, а инструкции нужно изу-ча-ать! Если бы вы внимательно прочли главу о строевом отделе, то не пропустили бы и примечание, а в нем, черным по белому, сказано, что должностные обязанности ДРУГИХ работников отдела определяются инструкциями... Особыми инструкциями, понимаете? Которые утверждаются начальником мореходного училища. Значит, с него и спрос на ваш вопрос, товарищ Старцев.

Обычно на этой стадии диспута снова вмешивался капитан и просил спорщиков прибегнуть к порох для других целей. Старыгин твердо придерживался нейтральной позиции третейского судьи. К его помощи не прибегали ни Старцев, ни Зозуля, но однажды помпуч все же попросил у него защиты, правда, совсем по другому поводу.

В тот день боцман и подшкипер, как делали уже не раз, прямо на фока-рее отремонтировали нок-бензельный угол паруса. Однако на этот раз им помогал курсант. Работа подходила к концу, когда на корме появился Зозуля.

– Товарищ старпом, анемометр показывает усиление ветра до семи баллов, а люди работают на мачте! – возмутился он. – Это не в духе хорошей морской практики!

– И техники безопасности? – подсказал Старцев.

– Вот именно! – подхватил Зозуля. – А если грянет десять баллов?!

– А если тридцать баллов с кирпичами?! – вспыхнул старпом. – Для того и полезли на мачту, чтобы управиться до семи баллов.

Они были уже готовы сцепиться, как два петуха, но вмешался капитан.

– Степан Петрович, – обратился он к помпучу. – У каждого свои обязанности, а коли функции распределены, оставим старпому то, за что он отвечает головой. Своей и моей тоже. Да, обед уже объявлен, буфетчик, вижу, помчался на камбуз за борщом, отправимся и мы в кают-компанию. Кстати, сегодня, Степан Петрович, на второе ваше любимое блюдо – «макароны по-флотски». Они, уверен, и на этот раз приготовлены в традициях «хорошей морской практики».

Намек вырвался невольно, но старпом заржал самым бессовестным образом, не жалея душевного покоя Зозули. И тот, мысленно предавая Старцева самым изощренным пыткам и казням, но проглотив пилюлю, ушел с бизань-рубки. За ним последовал и капитан.

Зозуля оконфузился в самом начале рейса. В тот день «Эклиптику» потряхнуло первым по-настоящему осенним штормом. И был обед, начавшийся в положенный час с борща, и была сопутствующая ему неторопливая беседа на тему «как ни рулили, а все же зарулили». Зозуля молча хлебал варево и в разговор не вступал. Не было у него ничего достойного вниманию товарищей по профессии. И шторм мешал. Все время приходилось упираться и быть насто-роже. Расслабился Степан Петрович лишь в тот миг, когда буфетчик доставил с камбуза его любимое блюдо: жирные, ароматные макароны по-флотски. Зозуля с негодованием отверг слишком мелкую для такой вкуснятины тарелку и потребовал алюминиевую миску.

– Да не жадничай, как в прошлый раз, – напомнил буфетчику. – Отоварь по полной программе – выше крыши.

Приказ командира – закон для подчиненного. Перегруженная посуда перешла из рук в руки в тот момент, когда судьба-злодейка завалила баркентину в резкий и глубокий крен. Отброшенный к спинке дивана, Степан Петрович, как по команде «хенде хох», вздернул руки и вознёс ту, с миской, на «головоцентрическую орбиту». Все замерли. Глаза всех вперились в миску, обретшую грозное сходство с противопехотной миной. В следующий миг «Эклиптика» вздыбилась, как норовистый конь, а «мина», сорвавшись с орбиты, устряпала Зозулю с головы до выпуклого живота, обтянутого, как на грех, новехонькой бостоновой тужуркой.

Секундное замешательство обедавших сменилось дребезжащим смешком, каким смеются люди, только что избежавшие смертельной опасности, но Зозулю добила недипломатичные слова второго штурмана: «Жадность фраера стубила».

Зозуля бросился вон, однако на палубе угодил под волну, ворвавшуюся в тесное пространство между кают-компанией, галюном и входом в жилые помещения комсостава. Вал разметал кабузные дрова, сложенные за капом, опрокинул «палубного» курсанта, а дежурного столкнул с помпоучем и выполоскал последнего так основательно, что Степан Петрович, переодевшись, растерял весь пыл и гнев, который собирался обрушить на штурмана, посмеявшегося при всех обозвать его «фраером».

Заурядное, в общем и целом, происшествие обросло палубным фольклором и ожесточило Зозулю, а тут – напоминание, сделанное к тому же недругом-капитаном.

Но в этот раз Степану Петровичу не пришлось доесть даже борща: в кают-компанию заглянул дежурный и сказал, что вахтенный помощник просит капитана подняться наверх.

– Что тамстряслось? – спросил Старыгин.

– По левому борту – «Галактика», – ответил курсант. – Лежит в дрейфе, а с нее семафорят, что имеют на борту командира отряда, который сломал ногу. Требуют врача.

– Товарищ Черноскул... сломал ногу?! – воскликнул Зозуля, выбираясь из-за стола. – А где же их собственный доктор?

– Не пошел в рейс, – ответил Константин Константинович, пробираясь следом. – Сослался на семейные обстоятельства. Если у Черноскула серьезная поломатость, пусть радуется, что и наш эскулап не сбежал, как намеревался, в «валютный» рейс с моргагентчиками.

Баркентины сблизилась на расстояние, безопасное для рангоута.

Капитан «Галактики» Бакшеев, высокий и худой, похожий на унылую цаплю в черном плаще и с рупором в руках, повторил то же самое: у Черноскула сложный перелом, присылайте врача.

– Ну, нет у них врача, так шлюпки на месте! – злился старпом. – Моряки и курсанты из того же помола. Так почему это мы – и то, и другое?

– Как вам не стыдно?! – взвился Зозуля. – В такую минуту! Там же товарищ Черноскул! Где ваш гуманизм и человеколюбие, наконец!

– Так и я о том же – о флотской взаимовыручке, – усмехнулся старпом.

– Иван Федорыч, – обратился к нему капитан, – третий номер на воду. Гребцов возьмешь самых опытных. Сам пойдешь с ними.

– А почему не Зозуля? Горит желанием лично наложить шину, а то и отдать свою ногу. Уже побежал одеваться.

– Зозуля, если пожелает, пойдет пассажиром, а командовать будешь ты. Заодно и узнаешь, как там и что. Главное, зачем Черноскула из удобного кабинета понесло в море. И когда? Осенью! Ну, давай, с Богом, как говорится.

Шлюпка уже плясала у борта. Гребцы заняли места. Зозуля, экипированный, как положено, по погоде и в спасательном нагруднике, осторожно перебрался через фальшборт на привальный брус и был принят курсантами «дубликатом бесценного груза». Старцев спустился последним, и шлюпка отвалила, с трудом преодолевая какую-то сотню метров, что разделяла оба судна. Капитан, убедившись, что экспедиция благополучно добралась до «Галактики», а гребцы, старпом и Зозуля оказались на ее палубе, спустился в радиорубку.

Маркони курил и что-то писал в журнале.

– Зря, Константиныч, ты позволил нашему прыщю пойти к Черноскулу, – сказал радист, закрывая журнал. – Он очень и очень не любит тебя, как, впрочем, всех нас, но он метит в замы к Черноскулу, имея для этого достаточные основания.

– Ну и что? Зозуля с палубы, нам полегше.

– А будет ли легче? Сейчас много говорят, что одну из баркентин пора списать и отдать – не даром, само собой! – под кабак Общепиту. Зозуля, по тем же слухам, ратует за то, чтобы продали «Эклиптику». Возможно, в пику тебе. Вот и делай вывод.

– До этого еще далеко.

– Не скажи!

– Нас ли, их ли или другую баркентину спишут – всё равно, – вздохнул капитан. – Вот прижмут к ногтю, тогда и будем чесаться, а сейчас... Я буду у себя, если появятся новости с «Галактики». Отдохну чуток. Наши методисты дали циркулярно хороший совет: «У рыбака закон простой: люби работу и покой».

Он прошел в каюту, но не прилег, как собирался, а достал папку с «руководящими документами», чтобы, наконец, разобраться, что в них сказано о замах и помах, и предугадать направления, с которых можно ждать очередного подвоха в скором будущем.

Итак, командиру отряда, который в то же время является заместителем начальника управления реффлота, к которому приписан отряд, хотя назначается и освобождается приказом министерства, дана власть казнить и миловать любых отрядных специалистов. Быть его замом для Зозули – лакомый кусок. Зам принимает непосредственное участие в комплектовании командного состава учебных судов. Всё ясно: это и есть та дубинка, которой добивается сукин сын Степка! Ишь ведь: «перемещение специалистов, поощрения и наказания, участие в комиссии по проверке знаний плавсостава». Словом, все рычаги в его руках.

Константин Константиныч поперебирал страницы, отпечатанные синим и черным шрифтом, и чуть не плюнул в хлам, в котором при желании можно отыскать всё, что угодно, для оправдания всего, чего угодно.

Он сунул папку в стол и, кажется, вовремя. Дежурный постучался, а войдя, сообщил, что они снова сближаются с «Галактикой», от которой отходит шлюпка с доктором.

Шлюпка, однако, еще болталась у чужого борта.

Капитан поднял бинокль: курсанты на месте, старпом на корме, доктор пробирается к нему, Зозуля лезет через планширь на штормтрап, а загребные тянут руки – готовятся принять в объятия любимого помпуча.

Море немного успокоилось, но выглядело неуютно. Серое небо сливалось с горизонтом, с которого ветер срывал неопрятные клочья облаков. Он гнал их, как перекасти-поле, прямоком на щетинистый горбик острова, который мог быть или Родшером, или Вайндло. Скорее, Вандло, учитывая дрейф и перемену ветра...

На рубку поднялся радист.

– Телефонограмма с «Галактики», – сказал он. – Черноскул благодарит за квалифицированную медицинскую помощь, а капитан Бакшеев ставит нас в известность, что меняет курс и бежит не в Питер, а в Таллин. Так-де советуют доктор и погода.

– Вот и ладненько, – кивнул Константин Константинович. – Примем шлюпку и почти до Кайссара можем посостязаться с «Галактикой» в скорости. Тогда и посмотрим, кому из нас превращаться в кабак, а какому капитану отправляться на мыло.

Подошла шлюпка.

Первым делом, буквально с рук на руки, передали на борт доктора и его чемоданчик. Зозуля, сказав «я сам» и очевидно уверившись в полной безопасности, снял нагрудник и швырнул его на палубу, после чего начал поторапливать курсантов. Тех подгонять не было надобности. Собравшись вскочить на привальный брус, помпуч чуть помедлил, а судно накренилось так стремительно, что навалилось многими тоннами своего веса на планширь шлюпки и... опрокинуло ее. Зозуля вынырнул по другую сторону и принялся колотить руками по воде. Глаза его вылезли из орбит, рот заходился хрипом:

– Спа-аааа-а... спаси-и...

«Степа, скотина ты эдакая, – сообразил капитан, – ты же, похоже, не умеешь плавать!».

Зозулю относил волнами, да и баркентина имела ход. Но вахтенный помощник швырнул Зозуле спасательный круг, а боцман Зубов, сбросив сапоги и ватник, махнул через планширь и в два-три взмаха добрался до Степана Петровича, который успел нахлебаться и уже пускал пузыри. Он дал помпучу по рукам, чтобы не цеплялся, и ухватившись за зозулину не слишком пышную шевелюру, но достаточную для того, чтобы забрать ее в кулак, повлек утопающего к шлюпке. Когда того выдернули на палубу, а подшкипер и курсанты принялись вылавливать весла, круг и поднимать шлюпку, капитан ушел к себе, даже не взглянув на Зозулю и не сказав ему ни словечка.

Зозуля отлежался за ночь, утром был «как огурчик», но вечером, получив приглашение капитана на «производственное совещание» вдруг заболел. Спасовал Степа. Знал, спуску ему не будет. К нему был отправлен доктор, а через полчаса Зозуля пришел к капитану и попросил защиты... от «ядовитостей» старпома, который относится к помпучу с явным предубеждением, постоянно третирует обидными замечаниями, когда рядом курсанты и тем самым умаляет престиж комсостава в глазах практикантов. Капитан пообещал, а помпуч попросил освободить его от совещания, сославшись на температуру. Старыгин удовлетворил и эту просьбу.

Когда Константин Константинович вошел в кают-компанию, штурманы и механики вовсю обсуждали Зозулю и, хихикая, припоминали его промахи. Старпом сосал погасшую трубку, первый помощник, он же и парторг, ерзал, не зная, как защитить собрата от зубоскальства коллег. Капитан открыл совещание, а он, попросил слово и все испортил, начав с приказа министра Ишкова за номером двести сорок восемь.

– Кого мы должны готовить в наших мореходных училищах? – начал помполит. – Напомню, товарищи, тем, кто забыл параграф первый общих положений, изложенных в приложении номер один...

– Общие положения первого приложения... – пробормотал старпом.

Помполит бросил на него «убийственный» взгляд и прочитал по бумажке:

– ...который гласит, что наши учебные заведения «имеют основной задачей подготовку беззаветно преданных Советскому народу, Советскому правительству и Коммунистической партии высококвалифицированных, волевых инженерно-технических кадров для флота рыбной промышленности, воспитанных в духе высокой коммунистической сознательности, владеющих марксистско-ленинской теорией, обладающих практическими навыками организации массово-политической и воспитательной работы, в совершенстве знающих современную технику судовождения и промыслового лова, эксплуатацию судна, его установок, систем...».

– Может, хватит? – спросил старпом.

– Заканчиваю, товарищи, заканчиваю! «...экономику рыбной промышленности и умеющих применять на практике новые достижения науки и техники».

– И к чему это напоминание? – спросил стармех.

– А к тому, – ответил помполит, пряча шпаргалку, – что качества, перечисленные вначале, качества, я бы сказал, основополагающие, руководящие качества трудно вложить в человека, когда старпом, дорогой наш Иван Федорович, на каждом шагу дискредитирует и Степана Петровича, и меня, представителей партии и руководства отряда, в глазах наших воспитанников. Я не раз говорил об этом, но теперь говорю в последний раз, а в следующий буду писать докладную в партком. Пусть Иван Федорович выскажется по этому поводу.

Он сел, а глаза присутствующих уперлись в стол.

– Что касается вас и Зозули, то своей дискредитацией вы обязаны только себе, – отрезал Старцев, который всегда лез на рожон. – Вы – пустопорожней болтовней о высоких моральных ценностях, а Зозуля... Взять хотя бы вчерашний случай – из рук вон! На глазах курсантов! Сбросить нагрудник, находясь в шлюпке, – вопиющее нарушение техники безопасности, сбросить, не умея плавать!

– В санпаспорте Зозули стоит штампик «Плавать умеет. Годен», – меланхолично заметил доктор. – Как и у вас, товарищ первый помощник капитана.

Штурмана захохотали, радист ухмыльнулся.

– Знаем, как это делается! – рявкнул старпом. – И это чуть не стоило Зозуле жизни!

– О Зозуле можно говорить только в глаза, а не за глаза, – вмешался капитан. – А вам, Сидор Юрьевич, – сказал, обращаясь к парторгу, – скажу, что наши задачи проще. Мы не готовим ни «преданных людей», ни «знающих в совершенстве современную технику». Наша задача – познакомить мальчишек с морем, с азами морского дела, достаточными для получения свидетельства матроса второго класса. Всё остальное – в компетенции учебного заведения. Однако, товарищи моряки, должен вам с прискорбием сообщить, что после окончания рейса наша баркентина будет передана Общепиту и превращена в ресторан. Только что получена радиограмма от командира отряда, подтверждающая, что им принято окончательное и бесповоротное решение. Наша дискуссия теряет смысл, и я закрываю собрание.

– А помог Черноскулу утвердиться в этом решении господин Зозуля, – подсказал старпом. – И зачем мы не дали утонуть этому обормоту?!

– Дело не в нем и не в Черноскуле, – сказал капитан. – Давит база, которой не нужны парусники. Уже заказаны в Николаеве два больших учебно-производственных судна, которые будут и учить, и зарабатывать деньги. Мы для базы – нахлебники.

А за иллюминаторами шумно заплескивала Балтика, равнодушная к заботам людей, а потому поддакивающая и тем, и этим.

11

– Таким, друзья мои, был «исторический материализм» применительно к отдельно взятому мореплавателю, – закончил рассказ Константин.

– И ко всем прочим, мыслящим не исторически, – заметил Генка-матрос. – А теперь пребываете на пепелище?

– Неужели заметно? – улыбнулся Константин.

– Читается между строк. Я, Константин-тиныч, снимаю шапку перед вашим прошлым. Но картина эта мне знакома до пошлости. Признаюсь вам, наконец, что выперли меня из университета за вирши, которые наш маленький «зозульчик» передал в ректорат. И ладно еще, что выперли, а не препроводили их по инстанциям.

– А ты, Генка, прочти их Константинычу, – предложил Проня. – Пусть оценит.

– Действительно, – кивнул Константин. – В обмен на мою откровенность.

– Ну, что ж... Слушайте, товарищи потомки, агитатора, поэта, главаря!

Где-то растут березы, ели к реке сбегают,
Сено жуют коровы, наземь слюну пускают,
С ласковостью коровьей лижут теленка в стойле,
Думают по-коровьи о бугаях и пойле.

Это – судьба. Простая. Наша судьба – иная,

Но странно видеть в них сходство коров и советских людей.

Простых трудяг и ученых, в социализм вовлеченных, Волею большевистской загнанных в стойло идей.

Генка-матрос – бывший студент с недавним армейским прошлым. Парнюга своеобразный, но с характером... Генка стишки пописывает, по девкам шляется. Ему жизнь на шхуне – малина. Говорит, что пока другой не нужно. Блудит где-то в городе, на судне лишь отсыпается во время вахты. Проспится и третирует своего капитана всякой вульгарщиной.

– Да ты, Гена, диссидент! – засмеялся Константин. – Это всё?

– Почти. В апофеозе есть нехорошие слова. Как вы? Читать?

– Мы же не в детском саду! На палубе свой язык, – ответил Константин. – Хотя теперь он распространен повсеместно.

Мы жвачку жуем, тоскуя, и носим ярмо до х...,
Над нами, идеи штампуя, жирует орава блядей.
Ах, нам бы из стойл да к елям, в березовый шум, к метелям!
А нас – по ноздрям и – в стойло, к навозу или на бойню,
На мясо и на колбасы, во имя великих идей.

– Да-а... крепко ты засандалил! Афганцы вдохновили? – спросил Константин.

– Афган. Я побывал там, Константин-тиныч, «во имя великих идей», там окончательно прозрел и окончательно разлюбил «исторический материализм». Давайте помянем тех, кого доставили оттуда на «черных цветочках»...

Пить Константину не хотелось, но отказать Генке он не мог.

Они подняли стаканы, молча посмотрели друг другу в глаза и выпили.

– Между прочим, и Проня там дырку получил, – сказал Генка, зажевывая водку корочкой хлеба, натертой чесноком. – Нет-нет! Мы были в разных местах, а вместе, когда из госпиталя в дембелях оказались, – объяснил, поняв немой вопрос в глазах Константина. – У каждого – свои дырки. Сувениры на память о славных днях.

– Я его и выписал на шхуну, – сообщил боцман. – С тех пор и держимся вместе.

– Пока держимся, а дальше – мрак! – сказал Генка, разливая остатки водки.

– Между прочим, – сказал Проня, – у нас в «Югрыбе» тоже есть Зозуля. Замначальника управления по кадрам. Тоже, говорят, тот еще тип. Неужели все Зозули на один лад?

– Не Зозули, Проня, а особая порода людей, выведенная путем партийной селекции на просторах родины чудесной, – ответил ему Константин. – Во всяком случае, ни тебе, ни Геннадию такое будущее не грозит. Уж кто-кто, а ты, действительно, «дитё человеческое», как говорил наш уважаемый Петр Петрович.

В голове Константина была каша. Не мог представить красавчика-купидона, который и на палубе выглядел как-то несерьезно, с автоматом, в каске, где-то в горах, раскаленных зноем и взрывами, куда-то бегущим, в кого-то стрелявшим, а потом в крови, на руках товарищей или санитаров: «исторический материализм» в своей сокровенной сути! Всё, что было с ним, даже пережитое когда-то на далеком островке, где он потерял двух товарищей и откуда сам-то выбрался чудом, к тому же затертое временем, выглядело детской забавой. Ладно, хорошо – не забавой: тот ураган, что там ни думай, как ни считай, не забава, но это часть его профессии, выбранной добровольно и по велению сердца. Каждый моряк знает, что может и он когда-нибудь не вернуться с морей, но эти! Отец погиб на крымской земле, защищая родину, а что защищали эти парни и от кого защищали в чужих горах?

Он ушел в свой «пенал» и лег на койку. Думал о том, что они, бывшие солдаты, вдруг стали обращаться к нему на «вы», и думал о том, что ничего не забыл из того, что было когда-то с ним. А они уже «забыли». Проня говорил о чем-то, связанном с каким-то недоразумением во время последних съемок фильма, Генка-матрос смеялся и предлагал сходить в магазин за водкой. Потом они ушли, сказав, что скоро вернуться.

Он кивнул и остался лежать.

У них свое прошлое, у него свое. Может, зря он рассиропился и ударился в воспоминания? Что в них? Труха. Зозулю вспомнил и только лишний раз потрепал себе нервы. Его поколение не знало сомнений. Почти не знало. Были единицы, что пытались плыть против течения. Остальные твердо шли по тропе, протоптанной старшими товарищами. Они тоже делились на идеалистов и циников. Идеалисты прозревали постепенно, а познав истину, замыкались, зная, что против лома нет приёма, да и приручены были. Приручены и приучены. В училище он, Костя Старыгин, маялся и метался, но в училище не любили «политику», а вколоченное годами держалось крепко, тем более что дни были отданы учебе, а вечера – танцулькам

и «орбите» между киношкой «Заря» и парком культуры, где встречались и общались все курсы мореходки. Был у них даже свой «король танго» – Яшка Эрезсарцев. И это при том, что каждый понимал: загранвиза, на которой зиждется их будущее, в руках тех, кто не прощает вольностей по отношению к власти: «молчи, скрывайся и таи и чувства, и мечты свои». В любом случае, мысль, изреченная тобой, есть ложь, но истина – у той стороны, надзирающей и бдящей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.